

РЕИТЕРАЦІЯ КРОВИ

ИРИНА КАР

18+

Ирина Кар
Реитерация крови

«Автор»

2026

Кар И.

Реитерация крови / И. Кар — «Автор», 2026

В мире, где смерть можно обойти, расплата всегда превосходит ожидания. Тело бросает вызов природе. Голод становится уязвимостью и возможностью. А граница между человеком и чем-то иным размывается быстрее, чем приходит осознание. Пока одни пытаются сохранить себя, другие устремляются к звёздам — туда, где выживание требует порядка, а цена ошибки непомерно высока. Там зарождается мечта о совершенном, нерушимом мире. Но даже безупречные механизмы дают сбой. И тогда становится важнее не то, что правильно — а то, что вообще способно удержать на краю бездны. Эта история о крайностях: О жизни и смерти, О личности и функции, О свободе и устойчивости. И о том, что происходит, когда вопрос оказывается сильнее ответа.

© Кар И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
АКТ I: ЧАСТНЫЙ САД (Главы 1–4)	6
ГЛАВА 1 Сорок первая пробирка	6
СЦЕНА 1: ПОСЛЕДНИЙ ОБРАЗЕЦ	6
СЦЕНА 2: РАВНОВЕСИЕ	8
СЦЕНА 3: ТРЕЩИНА	12
СЦЕНА 4: ВСТРЕЧА	15
СЦЕНА 5: РУБИКОН	19
Глава 2: Цена переменных	23
СЦЕНА 1: ГРЯЗНОЕ ЛЕКАРСТВО	23
СЦЕНА 2: ВЕСЫ ОСИРИСА	30
СЦЕНА 3: АРХИВ МЁРТВЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ	37
СЦЕНА 4: ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ	43
СЦЕНА 5: ВТОРАЯ ВСТРЕЧА	51
Глава 3: Трещины в стекле	56
СЦЕНА 1: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТУПИК	56
СЦЕНА 2: НОВАЯ НОРМА	66
СЦЕНА 3: ТРЕЩИНЫ	72
СЦЕНА 4: ФАКТЫ	86
СЦЕНА 5: ГЕМОРРАГИЧЕСКИЙ РУБЕЖ	89
СЦЕНА 6: ПРОТОКОЛ ТИШИНЫ	93
Глава 4: Новые правила	97
СЦЕНА 1 ЭЛИЗИУМ	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ирина Кар

Реитерация крови

Глава

РЕИТЕРАЦИЯ КРОВИ

АКТ I: ЧАСТНЫЙ САД (Главы 1–4)

ГЛАВА 1 Сорок первая пробирка

СЦЕНА 1: ПОСЛЕДНИЙ ОБРАЗЕЦ

Безличная атмосфера лаборатории была почти осязаемо насыщена взвесью тихого отчаяния, низким гулом термостатов и холодным мерцанием экранов. Воздух пропитан запахом озона от старой аппаратуры, резкой стерильностью спирта и едва уловимой, въевшейся в пластик ноткой аромата подгоревшего кофе. Свет люминесцентных ламп выхватывал из полумрака столы, заваленные приборами, и единственную фигуру, неподвижную перед главным монитором.

София пристально, не моргая, всматривалась в экран, изучая три графика. Два – ровные, предсказуемые линии контроля. Третий – кривая экспериментального образца B-SYN-41 – ползла вверх, стабильно и упрямо. В висках, отбивая ритм, звучала не кровь, а внутренний счетчик: pH 7.38, температура 36.7, концентрация 97.3%, время с момента инъекции катализатора – 47 часов 58 минут. Мысли циклично, словно шестерни шестеренок, перебирали переменные, в поисках слабого звена, которое пока упорно отказывалось обнаруживать себя.

Её руки, в синих нитриловых перчатках, совершали привычные, выверенные в своей точности движения джойстиком для увеличения участка графика, проверка лога температурного шока. Пальцы были сухими и холодными, даже в тепле лаборатории.

На краю стола, в пятне света, стояла фотография в простой пластиковой рамке. Двенадцатилетняя Элиза, закутанная в больничное одеяло, шурилась от вспышки, а её улыбка была дерзкой, почти вызывающей. Рядом с рамкой лежал засохший бутерброд с сыром, забытый несколько часов назад.

Секундомер на экране перевалил за 48:00:00. И кривая дрогнула.

Едва заметная дрожь, колебание амплитуды в один пиксель, предвещающее провал. София замерла. Счетчик в голове умолк. Всё её существо сократилось до этой одной зеленой линии на черном фоне.

Дрожь повторилась. Ещё. Всё чаще. Затем график, точно споткнувшись, пошёл вниз. В первые секунды медленно, затем с неумолимым ускорением устремился к нулевой отметке, сливаясь с осью абсцисс. Тишину пронзил тонкий, настойчивый звук – тревожный сигнал спектрометра, сообщавший о катастрофической потере оптической плотности. Образец B-SYN-41 перестал существовать.

София сохранила неподвижность, не издала звука. Только сухие веки, от продолжительного напряжения, дрогнули раз, другой. Глаза продолжали всматриваться в экран, где только и было свидетельство очередного безупречного с точки зрения протокола, провала.

Её рука сама потянулась к клавиатуре. Пальцы нажали комбинацию – Alt + F4. Окно программы исчезло, не спросив подтверждения. Она встала. Стул отъехал с тихим скрипом. Подошла к термошейкеру, где в маленькой пробирке оставалась мутная жидкость с осадком – всё, что стало от её «крови». Вынула пробирку. Её движения были плавными, экономичными, лишёнными всякой агрессии. Она поднесла пробирку к свету, покрутила, наблюдая, как хлопья оседают на стенки. Ничего нового. Ровно то же, что и в пробирках с номерами от 1 до 40, стоявших в утилизационном контейнере.

Она подошла к раковине, открыла кран. Струя воды зашумела, нарушая давящую тишину. Она сполоснула пробирку, протерла её ершиком изнутри, затем снаружи. Вытерла насухо стерильной салфеткой. Всё четко, методично. Поставила чистую пробирку на сушильную стойку – в ряд с другими такими же, сверкающими пустотой.

И тут её взгляд, скользнув мимо, поймал в темном окне отражение. На фоне черного неба и тусклых огней ночной Москвы виднелось бледное, лицо, полное отчуждения, с резкими скулами и тёмными провалами под глазами. В этом лице была только концентрация, вымороженная до абсолютного нуля. И в этом отражении, чуть ниже, стояла та самая фотография. Улыбка Элизы в полумраке казалась вызовом, вспышкой жизни в этом царстве смерти и сухих данных.

В серо–стальной глубине глаз Софии, метнулась искра. Не печаль и не отчаяние. Это была мгновенная, бессловесная вспышка всепожирающей ярости.

Ярости, адресованной себе, собственной беспомощности, ярости на тупой, непробиваемый потолок фундаментальных законов материального мира, который она билась проломить сорок один раз подряд. Искра, подавленная титаническим усилием воли, угасла, не успев разжечь неуправляемый пожар. Она резко отвела взгляд от фотографии, как от источника недопустимой слабости.

Повернулась к рабочему столу. Взяла планшет, открыла файл с протоколом эксперимента. В графе «Результат» она без колебаний вписала: «Распад образца на 48:00:12. Дестабилизация по сценарию 3А. К рекомендованным корректировкам не подлежит. Требуется пересмотр базовой формулы. Серия В–SYN признана тупиковой.»

Она поставила время и свою электронную подпись. Протокол был завершён. Поражение задокументировано. Катастрофа превращена в данные.

София выключила главный монитор, погрузив часть лаборатории во мрак. Осталось только дежурное освещение. Она сняла перчатки, опустила их в мусорный бак для биологических отходов. На секунду прикоснулась пальцами к виску, где пульсировала начинающаяся головная боль – единственная физическая расплата за ночь. Игнорируя её, она взяла со стола тот самый засохший бутерброд, чтобы выкинуть по пути.

Прежде чем выйти, она ещё раз обернулась. Её взгляд скользнул по стойкам с оборудованием, по контейнеру с сорока пробирками–неудачниками, по темному экрану. В нём не было ни надежды, ни отчаяния, лишь безразличный расчёт. Одна серия закончилась. Значит, завтра начнется другая. Формулу нужно ломать, не корректировать.

Она щелкнула выключателем и шагнула в темноту коридора, оставив за собой лабораторию – склеп её сорока одной надежды, аккуратно упакованной в пробирки и папки с данными. Битва была проиграна. Война – нет.

Война только начиналась.

СЦЕНА 2: РАВНОВЕСИЕ

Квартира мало походила на уютное жилище, которое можно с гордостью назвать домом, она была филиалом лаборатории с удобствами. В воздухе висел не запах пирогов, а едва уловимый букет медицинских ароматов – смесь озона от оборудования, стерильности и горьковато-пряного аромата травяных сборов, которые Ян заваривал «для иммунитета». Гостиная была разделена на две зоны: у одной стены – книжные полки, диван, проектор для семейных кино вечеров; у другой – стойка с мониторами, холодильник для реагентов и аккуратный стерильный участок для забора анализов.

Ян вошёл беззвучно, демонстрируя навык, отточенный в реанимации. Он сбросил куртку, не вешая, оставив её на стуле. Его лицо, обычно спокойное и сосредоточенное, сейчас было серым от усталости. В глазах читалась моральная измождённость – та, что настигает человека не от недостатка сна, а от проигранной схватки.

Он вошел на кухню, открыл холодильник. Среди контейнеров с полуфабрикатами, нашёл закрытую тарелку. Картофельное пюре с котлетой, аккуратно обёрнутое плёнкой. София. Он разогрел порцию в микроволновой печи. Мерный гул прибора заполнил тишину.

София сидела за обеденным столом, который теперь служил ей очередным рабочим местом. Перед ней – планшет с данными по В-SYN-41, но она смотрела в стену, внутренним взором, вероятно, всматриваясь в ту же кривую. Она услышала его шаги и шум микроволновки, но не обернулась.

Ян поставил перед ней тарелку, положил столовые приборы. Сел напротив.

– Сорок первый? – спросил он голосом, лишённым ноты упрёка. Это был диагностический вопрос, как «Давление упало?».

София кивнула, не отрывая взгляда от стены. Её пальцы сами потянулись к вилке, начали механически размешивать пюре.

– Распад по тому же сценарию, – сказала она ровно. – Квантовая декогеренция в порфириновом ядре¹. Фундаментальное ограничение формулы. Тупик.

– Значит, ищем новую формулу, – констатировал Ян.

– На поиски нужно время, у нас оно кончается, – ответила она, наконец, взглянув на него. В её глазах он прочёл то, что из боли и страха не было удостоено вербальному выражению: «у Элизы кончается время».

Ян вздохнул, потеряв переносицу.

– В шестой палате сегодня кризис. Девочка, восемь лет, лимфобластный лейкоз. Пробовали наш новый иммунный протокол.

София перестала мешать пюре. Её взгляд стал острым, аналитическим.

– И?

– Не сработал. Вообще. Цитокиновый шторм, который мы не предсказали. Перешли на старую схему, с глюкокортикоидами.²

София положила вилку. Звук лёгкого звона по фарфору прозвучал как приговор.

¹ Порфирины — это универсальные молекулы жизни (гемоглобин, хлорофилл). Их плоское «кольцо» ведёт себя как миниатюрный квантовый чип: возбуждённые электроны в нём могут находиться в нескольких состояниях одновременно (когеренция). Декогеренция — это процесс разрушения этого хрупкого квантового состояния из-за теплового шума среды.

² Глюкокортикоиды – в отличие от многих лекарств, которые действуют на рецепторы на поверхности клеток, ГКС проникают через клеточную мембрану, связываются с внутриклеточными рецепторами и напрямую влияют на синтез белков. В частности снижают активность иммунной системы, уменьшая выработку цитокинов и активность Т-лимфоцитов. Используют при цитокиновом шторме для снижения чрезмерной активации иммунной системы.

– Коэффициент пятилетней выживаемости у старой схемы – двенадцать процентов, – произнесла она без интонации. – Ты не спас её, Ян. Ты отсрочил неизбежное. На месяц. Может, на два.

В её голосе была лишь бескомпромиссная ясность калькулятора, ни жестокости, ни осуждения. Именно эта ясность резала Яна глубже любой критики.

Он резко поднялся, прошёлся по комнате, остановился у большого аквариума, где лениво двигались тени дорогих, генетически стабильных рыб–«зебр» – ещё один их совместный «подопытный» проект.

– Я выиграл время, София! – его голос впервые за вечер дрогнул, обнаружив накопленную горечь. – Иногда это всё, что у нас есть! Не данные, не идеальная формула, а просто ещё один день! Чтобы ребёнок увидел, как тает снег за окном! Чтобы её мать успела... не знаю, сходить с ней в зоопарк!

Он обернулся к ней. Она сидела неподвижно, и в её позе читалась полное непонимание его доводов, будто он говорил на языке, лишённом прагматического смысла.

– Ты потратил ресурсы отделения, подверг ребёнка дополнительным изнуряющим процедурам с токсическими эффектами и на выходе получил статистически ничтожный шанс, – сказала она. – Это неэффективно. Это эмоция, не стратегия.

– Это человечность! – выдохнул он, и сразу же пожалел о вспышке. Они столько раз проходили этот круг. – Это про жизнь. Важен... Важен и процесс, не только цель. Цель не всегда достижима. Мы, увы, не всемогущие Боги, иногда всё, что мы можем – схватить время, заморозить его, в поисках идеального решения. Да и.. Я не против риска. Я против момента, когда мы решаем, что риск оправдан. Сам процесс... Достоин уважения.

Повисла густая колючая тишина, Тишина. София снова взяла вилку. Её организм требовал топлива, и она, подчиняясь нужде, как послушная машина, это топливо поставляла.

– Как Элиза? – сменив тему с хирургической точностью, спросила она.

Ян откашлялся, сгоняя ком из горла.

– Стабильно. Сегодня читала, требовала новые статьи по CRISPR. Говорит, наш протокол редактирования клеток–предшественников, хм, «неэлегантный». – Его губы тронула тень улыбки. Дочь. Их общее чудо и их общий приговор.

– Нужно взять у неё пункцию завтра, – постановила София, вновь погружаясь в планшет. – После провала B-SYN надо пересмотреть митохондриальную гипотезу. Данные могут быть устаревшими.

Ян молча наблюдал за ней. За этой женщиной, которая могла в один вечер пережить крах многомесячной работы и тут же, без лишних сантиментов, точно робот, переключиться на следующую задачу. Он любил в ней эту силу. И временами бесконечно боялся её, потому что эта сила вытесняла человеческие слабости, делая их недопустимой роскошью. Здесь нет места для страха, для того, чтобы просто сесть и отпустить, бремя, горечь бессилия, дать выход тяжелым эмоциям через слёзы.

– Ладно, – тихо выдохнул он, оставляя дискуссию о подходах. Встал из-за стола и направился в сторону аквариума. Генно-модифицированным рыбкам полагался ужин. – Завтра с утра возьмём. Сейчас пойду к ней.

Он двинулся в сторону комнаты дочери, но София вдруг подняла голову.

– Ян.

Он остановился.

– Директор вызвал на завтра, – сказала она, и в её голосе впервые за вечер прозвучал лёгкий, металлический отзвук. – Насчёт финансирования.

Он всё понял по тону. Кивнул, не спрашивая подробностей. Подробности будут завтра. А сегодня передышка.

Комната Элизы была пространством иной природы. Здесь царила яркая, упрямая жизнь. Стены украшены постерами с ДНК–спиралями, схемами иммунного ответа и картами звёздного неба. На столе, среди учебников и планшета, стоял самодельный, довольно корявый, но работающий макет центрифуги. Воздух был наполнен ароматом свежих духов с запахом зелёного чая – её попытка вытеснить вездесущий запах стерильности.

Элиза не спала. Она полусидела в кровати, подогнув ноги, уткнувшись в толстый том «Принципов клеточной биологии Альбертса». На голове у неё были наушники, но музыка не играла – она использовала их как беруши. Когда вошёл Ян, она подняла взгляд. Её лицо, более худое и бледное, чем должно быть в её возрасте, мгновенно озарилось живой улыбкой. В ней не было ни намёка на принятие жертвенной позиции.

– Пап! Ты как лимфоцит после атаки на опухоль – выглядишь истощённым, но довольным, – сказала она, откладывая книгу.

Ян невольно рассмеялся. Её чёрный, научный юмор был точной копией материнского, только смягчённым подростковой непосредственностью и дерзостью.

– Спасибо за диагноз, доктор. А ты что не спишь? Полночь.

– Ждала отчёт по B–SYN–41, – сказала она просто. – Мама ещё не заходила. Значит, опять...?

– Сорок первый – тупик, – подтвердил Ян, присаживаясь на край кровати. Он не видел смысла лгать или подбирать слова, ведь Элиза была частью команды.

Та на секунду задумалась, её брови сошлись у переносицы. В её глазах мелькнул холодный аналитический огонёк, тот же, что горел в глазах Софии.

– Значит, гипотеза с имитацией гема неправильная. Надо бить по митохондриальной ДНК в стволовых клетках, я же говорила! Мама слишком заиклилась на переносе кислорода, а проблема в клеточном катаболизме.

Ян смотрел на неё, и сердце сжималось от сложных чувств, что можно описать как горькую гордость. Его девочка. Рассуждающая о спасении своей жизни как о сложной, но решаемой инженерной задаче.

– Мама как раз завтра хочет новую пункцию взять. Для митохондриальной гипотезы.

– Отлично! – Элиза оживилась. – Я уже подготовила список маркеров, которые надо проверить. Скину ей.

Она потянулась к планшету, но Ян мягко положил руку ей на лоб, проверяя температуру. Прохладная. Пока всё в пределах их хрупкой нормы.

– Завтра. Сейчас – спать. Даже суперкомпьютеру нужна перезагрузка.

– Ладно–ладно, – она снова улыбнулась, но в этой улыбке вдруг проглянула усталость, след той цены, которую вынуждено платить её тело за каждую прожитую неделю. – Пап... а мама... она очень расстроена?

Ян замялся.

– Мама не расстраивается. Мама... пересчитывает варианты.

Элиза кивнула, точно это был самый естественный ответ на свете.

– Скажи ей, что не надо. Мы найдём. Это просто ещё одна переменная в уравнении.

Он наклонился, поцеловал её в лоб, погасил свет, оставив только ночник в форме молекулы ДНК.

– Спокойной ночи, звёздочка.

– Спокойной, пап. Завтра – в бой.

Ян вышел, притворил дверь. Устало прислонился к косяку, закрыл глаза. В ушах стояли её слова: «Это просто ещё одна переменная в уравнении». Для неё – да. Только не для него. Для него это была его дочь, чьё дыхание он слышал за тонкой дверью. Чью жизнь он измерял не в переменных, а в этих тихих, хрупких вечерах.

Он вернулся в гостиную. София стояла у окна, спиной к комнате, глядя на чёрное небо. Он молча подошёл, встал рядом. Их бледные отражения на стекле были двумя светлыми островами в океане безразличной тьмы – два измождённых профиля, объединённые общей, невысказанной тревогой.

– Она сказала, чтобы ты не расстраивалась, – тихо произнёс Ян. – Говорит, найдём. Просто ещё одна переменная.

София не ответила сразу. Её сухая, холодная рука, нашла его теплую руку и сжала с силой, в которой было больше отчаяния, нежели нежности.

– Завтра у директора, – повторила она своё заклинание, свой единственный понятный план действий в мире, где формулы крошились и разлетались на части, дети угасали. – Завтра решим.

Они простояли так ещё несколько минут, глядя, как на небе Москвы тускло мерцают редкие звёзды, пробивающиеся сквозь световое загрязнение. Равновесие их мира было хрупким, как стеклянная пробирка. Оно держалось на силе воли, на любви, переплавляемой в упрямство, и на страхе, который они оба заглушали работой. Но где-то внизу, в фундаменте, уже начала свой бег трещина. И завтрашний день должен был показать, выдержит ли фундамент тяготы нового провала, или всё рухнет.

Рыбы ели корм, не догадываясь, что сегодня им продлили жизнь на один день.

СЦЕНА 3: ТРЕЩИНА

Кабинет директора НИИ клинической гематологии был полной противоположностью их квартиры–лаборатории. Здесь царил сухой, безличный порядок государственного учреждения: полированный стол, флашток с триколором, портрет первого лица государства, искусственная пальма в углу. В воздухе висела едва ощутимая взвесь бумажной пыли и дешёвого освежителя.

Директор, Алексей Петрович Сухих, сидел за столом, перебирая стопку документов. Мужчина лет пятидесяти пяти, с уставшим лицом опытного администратора. Он был бухгалтером от науки, одной из главных обязанностей которого – сводить концы с концами. В ответ на появление Софии и Яна, он не поднял глаз, лишь жестом указал на кресла.

– Присаживайтесь, – сказал он, наконец, отложив папку. Его голос был ровным, безразличным. – Спасибо, что нашли время.

Они сели. София выпрямила спину, положила руки на колени – собранная, как перед защитой диссертации. Ян сидел чуть расслабленнее, но его взгляд был напряжённо–внимательным.

– Я ознакомился с вашим квартальным отчётом, – начал Сухих, надевая очки. – И с отчётами за предыдущие три квартала. А также с заключением экспертного совета по программе «Синтетические кровезаменители».

В его руке была распечатка. София узнала на ней графики своих экспериментов. Её собственные, выверенные до каждого миллиграмма, каждой секунды данные теперь выглядели казённо и убого на дешёвой бумаге.

– Суть, если опустить детали, – продолжил директор, сняв очки и посмотрев на них поверх стола, – в следующем. За восемнадцать месяцев и приличное финансирование вы не вышли на стадию доклинических испытаний. Ваш ключевой показатель – стабильность образца – не превышает 48 часов. Для сравнения: современные коммерческие кровезаменители на основе перфторуглеродов держатся в кровотоке до 72 часов, и их производство на порядок дешевле вашей... биосинтетики.

– Наши образцы принципиально иные, – чётко, начала София. – Они не просто переносят кислород. Они призваны интегрироваться в метаболизм, стимулировать собственный гемопоэз, они...

– Они не работают, София Валерьевна, – мягко, но неумолимо перебил её Сухих. – «Принципиально иное» в отчёте фонда выглядит как «отсутствие практических результатов». Фонд «Биомед–перспектива» закрывает финансирование вашего направления. С первого числа следующего месяца.

Тишина была такой плотной, что Ян физически ощутил её собственной кожей. София не моргнула.

– У нас есть данные по митохондриальной гипотезе, – сказала она, и её голос прозвучал странно гулко в этой тишине. – Пункция запланирована на сегодня. Через месяц мы можем представить новую модель.

– Через месяц у института будет проверка из минздрава, – устало ответил Сухих. – Им нужны результаты, которые можно... Потрогать сейчас. Патенты. Прототипы. У вас, простите, сорок одна пробирка с желеобразным осадком. Это не результат. Это – расходы.

Он откинулся на спинку кресла, сложил руки на животе.

– Я вынужден принять решение. Ваша лаборатория будет расформирована. Оборудование – перераспределено. Вам обоим я могу предложить места в рамках общего клинического потока. София Валерьевна – в отделении гематологии, ведение пациентов. Ян Игоревич – у вас и так есть ставка в реанимации. На этом ваша исследовательская программа заканчивается.

Слова падали, как удары молота по хрусталу. «Ведение пациентов». Для Софии это звучало как приговор: протоколы, бумаги, паллиативная помощь³ вместо поиска решения. Признание поражения.

– Алексей Петрович, – голос Яна прозвучал спокойнее, чем он ожидал. – Вы понимаете, что это не просто научный проект. У нас... личная заинтересованность. Данные, которые мы можем получить...

– Я понимаю больше, чем вам кажется, – Сухих посмотрел на него прямым, тяжёлым взглядом. – И именно поэтому я не закрыл вашу лабораторию год назад. Но сейчас ставки слишком высоки. Весь институт на волоске. Я не могу рисковать репутацией и бюджетом ради... персональной трагедии, как бы жестоко это ни звучало.

Слово «трагедия» повисло в воздухе, грубое и неприкрытое. Оно обнажило истинную подоплёку: их наука перестала быть просто наукой. Она стала дорогостоящим актом отчаяния. И система такое не прощает.

– Есть ли возможность... частного гранта? Хоть на полгода? – спросил Ян, уже почти не надеясь.

– Кто даст грант на тупиковое направление? – Сухих развёл руками. – Фарма-гигантам ваша нишевая биохимия не нужна. У них свои линии. Частные инвесторы хотят быстрой отдачи. У вас её нет. Круг замкнулся.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен.

– У вас есть месяц, чтобы завершить все текущие наработки, сдать документацию и освободить помещения. Первого числа – приказ. Я сожалею.

«Сожалею» прозвучало как штамп в официальном письме.

Они молча вышли в коридор. Дверь кабинета мягко закрылась за ними, отсекая их от мира официальной науки с тихим щелчком – приговором. В коридоре пахло хлоркой и кофе из автомата. Ян первым нарушил молчание, глухо, будто говоря сам с собой:

– Нужно готовить Элизу к переводу в городскую больницу. Договориться о квоте, пересмотреть схему поддерживающей терапии... Без наших ресурсов протоколы будут базовыми.

София остановилась. Резко. Она обернулась к нему. Взгляд её ледяных серых глаз был неподвижен – в нём уже было решение, не подлежащее пересмотру.

– Нет, – сказала она. Голос был тихим, но в нём была сталь, которая заставила Яна замереть. – Согласиться на это, означает конец. Мы не переводим её на базовую терапию. Базовая терапия – это смерть. Мы не отступим.

– София, ты слышала его! – Ян развёл руками, его сдержанность начала давать трещину. – Лаборатории не будет! Оборудования не будет! На чём мы будем работать? Со стаканами на кухне?!

– На чём угодно, – отрезала она. Её взгляд блуждал по пустому коридору, но видел не его, а какие-то внутренние схемы, лабиринты возможностей. – Есть другие варианты. Найдём другие ресурсы.

– Какие? – в голосе Яна прозвучало почти отчаяние.

В этот момент из-за угла коридора вышел человек. Невысокий, аккуратно одетый в тёмный костюм, с лицом приятным, но совершенно ничем не примечательным. Он шёл прямо к ним, не сбавляя шаг, держа в руке тонкий, кремовый конверт из плотной бумаги.

– Доктор Светлова? Доктор Коваль? – спросил он, остановившись перед ними. Его голос был нейтральным, вежливым.

³ Паллиативная помощь — это комплекс мероприятий, направленных на облегчение боли и других тяжёлых симптомов у людей с неизлечимыми заболеваниями. Включает медицинские вмешательства, психологическую поддержку и квалифицированный уход.

Они молча кивнули.

Человек протянул конверт Софии.

– Вам. От фонда «Лонгитюд». Срочно.

Не дожидаясь ответа, он кивнул и так же бесшумно удалился, растворившись в лабиринте коридоров.

София смотрела на конверт. На нём не было марок, только её имя и имя Яна, выведенные изящным шрифтом. Она разорвала клапан. Внутри лежала единственная визитная карточка и один лист бумаги.

На листе – та самая формула. Уравнение, диаграмма молекулярной орбитали, стрелками указано слабое место – то самое «порфириновое ядро⁴». И рядом – пометка: «Стабилизация возможна через подавление квантовых флуктуаций в тетрапиррольном кольце⁵. Коэффициент корреляции 0.93. Остальные 0.07 – в области долгоживущих биологических систем. Обсудим?»

Внизу, под безупречными цифрами и символами, стояла уверенная подпись, выведенная чёрными чернилами:

Д-р Виктор К.

Фонд «Лонгитюд».

София подняла глаза, встретившись взглядом с Яном.

Ян машинально отметил: ни бейджа, ни пропуска. И охрана, как назло, смотрела в другую сторону. Слишком много он знал. И появился слишком вовремя.

В его голубых глазах читался вопрос, настороженность, тень надежды. В её – лишь усиливающаяся концентрация. Она уже держала след. Человек, которого они никогда не видели, только что вручил им ключ к проблеме, над которой они бились больше полутора лет. И приглашение.

Трещина в их мире только что превратилась в пропасть. И некто незнакомый с той стороны протянул через неё мост.

«Обсудим?».

Ответ уже висел в воздухе, холодный, ясный, неизбежный, как диагноз.

⁴ Порфириновое ядро — основа структуры порфиринов — тетрациклических азотсодержащих органических соединений. Порфириновый скелет лежит в основе структур растительных пигментов (хлорофилла, феофитина, феоборбида). Также порфириновое ядро, содержащее ион Fe²⁺ вместо Mg²⁺, является структурной основой гема — простетической группы таких сложных белков, как гемоглобин, миоглобин, каталаза, цитохромы и др.

⁵ Тетрапиррольное кольцо — структурный фрагмент некоторых химических соединений, в частности порфиринов.

СЦЕНА 4: ВСТРЕЧА

Кабинет Фонда «Лонгитюд» находился в Малом Патриаршем переулке, в старинном особняке. Это был не офис – кабинет–музей. В воздухе не чувствовалось ни озона, ни пластика; только запах старой кожи увесистых книжных переплёттов, пыль веков и едва уловимые ноты ладана и сушёных трав – странная смесь библиотеки, алхимической лаборатории и кельи.

София и Ян вошли, ощущая, будто переступили порог эпох. Высокие потолки с лепниной, тёмное дерево панелей, книжные шкафы до самого верха. И среди фолиантов XVIII века и глобусов с несуществующими странами – современные холодильники для биопроб с сенсорными панелями и широкий изогнутый монитор, где в реальном времени струились данные геномного секвенирования⁶.

Виктор поднялся им навстречу из–за массивного стола. На вид – лет тридцать пять: крепкое телосложение, короткие тёмные волосы, лишь у висков слегка тронутые сединой. Но встречал их не молодой финансист. Его движения были слишком размеренными, лишёнными суеты. И взгляд... Взгляд был старым, будто он видел слишком многое и видел их насквозь, до последней клетки и тревожной мысли.

– София Валерьевна, Ян Игоревич, – его голос был низким, спокойным, без следов возраста или спешки. – Рад встрече. Прощу.

Он указал на кожаные кресла. Сам занял позицию не за столом, а в кресле напротив, устранив барьер. На низком столике уже стоял чайный сервиз из тёмного с позолотой, похоже, старого венского фарфора. Рядом – планшет с их же статьями в открытых вкладках.

– Ваша работа над стабилизацией синтетического гема впечатляет, – начал Виктор без преамбул, наливая чай. В его длинных, тонких пальцах хирурга не было ни малейшей дрожи. – Особенно попытка решить проблему через электронно–конформационные взаимодействия⁷ в белковой оболочке. Смело.

София почувствовала, как внутри всё натягивается, как струна. Он говорил не как меценат, читающий резюме. Он говорил как коллега. Более того, он видел суть там, где рецензенты ограничивались формулировкой «требуется экспериментальное подтверждение».

– Вы прислали нам формулу, – сказала она, опуская формальности. – Объяснение коллапса B–SYN. Откуда данные?

Виктор отпил чай, поставил чашку точно на блюдце.

– Из наблюдений. Очень длительных наблюдений. – Он перевёл взгляд на Яна. – Вы, Ян Игоревич, в своей диссертации по криоконсервации стволовых клеток костного мозга выдвинули гипотезу о точке минимальной метаболической энтропии⁸. Блестяще. Но ошибочно.

Ян нахмурился, не отводя глаз.

– Ошибочно? Наши опыты на мышинных моделях...

– ...показывали рост выживаемости на восемнадцать процентов, – закончил за него Виктор. – Да. Но вы не учли эффекта долгосрочной квантовой когеренции в цитохром–с–оксидажном комплексе⁹. При сверхнизких температурах, которые вы используете, он вносит

⁶ Геномное секвенирование – определение последовательности ДНК (генетического кода) живого организма. Современные методы позволяют «прочитать» весь геном человека за несколько дней.

⁷ Электронно–конформационные взаимодействия – взаимосвязь между пространственной структурой (конформацией) белковой молекулы и распределением в ней электронных зарядов. Ключевой фактор стабильности сложных биомолекул.

⁸ Энтропия – в биологии и термодинамике мера хаоса, неупорядоченности системы. «Точка минимальной метаболической энтропии» – гипотетическое состояние живой клетки, при котором все процессы сведены к минимальной, но достаточной активности для сохранения жизнеспособности без повреждений. Теоретический предел, до которого можно «заморозить» жизнь.

⁹ Цитохром–с–оксидазный комплекс – ключевой фермент в цепи дыхания митохондрий, отвечающий за конечный этап

системную погрешность. Через сто часов хранения ваши «стабильные» клетки начнут неконтролируемо апоптозировать 10^{10} . Вы этого не увидели, потому что ваши эксперименты длятся сорок восемь часов. Мои... наблюдения... длились дольше! ¹¹.

В кабинете воцарилась тишина. Он только что описал невозможное. Длительные наблюдения за криоконсервированными клетками в масштабе сотен часов с точностью до молекулярных комплексов. Такого оборудования не существовало.

– Кто вы? – вкрадчиво спросил Ян. В его голосе без примеси страха был лишь, холодный научный интерес, перевешивающий тревогу.

– Коллега, – просто сказал Виктор. – Который устал наблюдать и хочет действовать. Вы ищете способ спасти дочь. Я – способ исправить фундаментальную поломку в одной биологической системе. Наши интересы пересекаются.

Он провёл пальцем по планшету, и на мониторе позади него возникли графики, гистограммы, снимки клеток, датированные: 1912, 1947, 1978, 2005 годами. Все они показывали один и тот же феномен: клетки крови, демонстрирующие необъяснимую устойчивость к апоптозу, радиации, окислительному стрессу. И все – от разных, не связанных между собой «пациентов».

– Что это? – София прищурилась. Её мозг уже жадно анализировал данные, выискивая подвох, артефакт, ошибку.

– Аномалия, – сказал Виктор. – Повторяющаяся с пугающей регулярностью на протяжении не менее века. Медицина списывает это на «спонтанную ремиссию» или ошибку диагностики. Я же вижу устойчивый биологический паттерн. Признак иной физиологии. Недоступной обычным людям.

Он выключил монитор.

– Вы оба стоите у края пропасти. Вы со своей синтетической кровью, не преодолевающей порог в сорок восемь часов. Я – с архивами аномалий, которые не могу воспроизвести в лаборатории. Ваш директор перекрыл вам кислород. Традиционная наука мне... не верит.

Он откинулся в кресле, и в его позе впервые проступила подлинная, вековая усталость.

– Я предлагаю сотрудничество. Вам – мои данные, мои ресурсы, технологии, опережающие ваши лет на десять. И доступ к живому носителю этой аномалии для любых неразрешаемых исследований.

– Взамен? – спросила София. Её сердце, кажется, замерло.

– Ваш ум. Ваша методичность. Ваша способность видеть не мистику, а неоткрытый закон природы. Помогите мне понять аномалию. Расшифровать её. И, возможно...

Он сделал паузу. В его старых карих глазах вспыхнула искра ненасытного, первобытного любопытства.

– ...научиться воспроизводить её. Контролируемо. Этично.

Ян покачал головой.

– Вы говорите о создании сверхчеловека? Бессмертного?

– О медицинском протоколе, Ян Игоревич, – мягко перебил Виктор. – Просто очень сложном. Я не предлагаю играть в богов. Я предлагаю лечить болезнь под названием «смертность». И её частный случай – гемоглобиновую зависимость. Сначала в лаборатории. Потом – на добровольцах в терминальной стадии. Ваша дочь... – он посмотрел прямо на Софию, – могла бы стать первым кандидатом, когда метод выйдет на безопасный уровень.

переноса электронов и производства энергии (АТФ).

¹⁰ Апоптоз – программируемая клеточная смерть, естественный процесс удаления повреждённых или ненужных клеток. Неконтролируемый апоптоз – признак серьёзных нарушений.

¹¹ Упоминание его «квантовой когеренции» – гипотетическое и передовое представление о том, что в таких сложных биологических системах могут играть роль квантовые эффекты (как сверхпроводимость или когерентность), что радикально повышало бы их эффективность и стабильность.

Он бил точно и безжалостно. Это была не только наука. Это была надежда – конкретная, подкреплённая данными и ресурсами. Ценой вступления в сговор с тем, что лежало за пределами привычного понимания.

– Кто этот носитель аномалии? – спросила София, игнорируя эмоциональную наживку.

Виктор печально улыбнулся. Улыбка была странной – чуть отстранённой, как у человека, который слишком долго носит маску и почти забыл, как выглядит его собственное лицо.

– Пока что – я. Если вы согласитесь и будете достаточно осторожны... возможно, найдём и других. Но начинать придётся с малого.

Он встал, подошёл к книжному шкафу, вынул старый, потрёпанный том в кожаном переплёте: «De Sangvine et Vita» – «О крови и жизни». Альд Мануций, 1513 год. Вынул из него флеш-карту.

– Здесь всё, что у меня есть. Наблюдения, отчёты, данные. Аванс доверия. Возьмите. Изучите. Дайте ответ, когда будете готовы.

София взяла безликий кусочек пластика, способный изменить слишком многое.

– Ваш посыльный... – Ян с подозрением взглянул на накопитель. – Он выглядел странно. Кто он?

– Артур, мой ассистент. Гуль. Он находится на поддерживающей терапии – продукте архаичных, несовершенных наработок. Это даёт здоровье и ясность ума. Но цена – крайняя психофизиологическая зависимость.

Софию словно пронзило молнией.

– То есть это ваше паллиативное решение? Сделать ребёнка вечным пациентом?

– Именно, – спокойно ответил Виктор. – Костыль. Для взрослого – возможный. Для ребёнка в лейкомическом кризисе – путь к непредсказуемому перерождению. Я видел такие случаи. Это создание страдающего существа, не лечение.

– Иначе говоря, у вас есть своя «коллекция»? – глухо спросил Ян.

Виктор тяжело вздохнул.

– Есть опыт. И понимание, что ваша дочь заслуживает большего. Я предлагаю не продление агонии, а попытку переписать первопричину. Риск колоссальный. Но шанс – ненулевой.

– Если мы ответим отказом? – спросил Ян, поднимаясь.

– Вы сохраните флешку как память о странной встрече – Виктор пожал плечами. – А я продолжу ждать. У меня, как вы могли заметить, со временем... нет проблем. У вас – есть.

Он проводил их до двери. Когда София уже переступила порог, его голос остановил её:

– София Валерьевна.

Она обернулась.

– На фотографии в вашей лаборатории у вашей дочери очень стоическое выражение лица. Как у шведской принцессы при дворе Алексея Михайловича. Та тоже не сдавалась. И прожила долгую жизнь – Он чуть склонил голову. – Всего доброго.

Дверь закрылась.

Они снова оказались в московском переулке, под холодным бело-синим светом фонарей. В руке Софии была флешка. В голове Яна – цифры, даты, графики и глаза человека, который говорил о столетиях как очевидец.

– Он сумасшедший, – глухо произнёс Ян, закуривая первую за год сигарету. Его руки дрожали.

– Возможно, – ответила София, сжимая флешку так, что пластик едва не затрещал. – Но он знает больше и предлагает Элизе шанс.

– Ценой чего, София? – Ян выдохнул дым, глядя на неё. – Ты слышала, как он говорил? «Со временем нет проблем». Это...

– Это не наша забота сейчас, – перебила она. Её голос был стальным. – Наша забота – эти данные. Наша забота – Эля. Всё остальное – малозначимые детали. Мы всё проверим.

Быстрым шагом она пошла к машине, уже мысленно составляя план анализа. Мир вокруг трещал по швам, открывая дыры в самой ткани реальности. Но для Софии это просто означало, что появились новые, неизученные переменные. А с переменными она умела работать.

Ян бросил недокуренную сигарету, растёр её каблуком и пошёл следом. Вопрос «кто он?» горел в его мозгу. Но другой вопрос – «а если он прав?» – жёг сильнее. Они сделали первый шаг в тёмный коридор. Теперь нужно было решить, пойдут ли они до конца.

СЦЕНА 5: РУБИКОН

Квартира погрузилась в ночную тишину, нарушаемую лишь тихим гулом медицинского оборудования из комнаты Элизы и навязчивым жужжанием процессора ноутбука. На столе, среди чашек с холодным чаем, лежала распечатка данных с флешки Виктора. Страницы, испещрённые графиками и комментариями, образовали хаотичный архипелаг на тёмном дереве столешницы.

София неподвижно сидела, напряженно всматриваясь в экран монитора. Она не читала, а будто непосредственно впитывала новые данные, пропускала через внутренний фильтр, отсеивая несоответствия, искала закономерности. Её лицо в синеватом свете монитора больше походило на маску: жёсткие скулы, тени под глазами, губы, сжатые в тонкую линию.

Ян ходил по комнате из угла в угол, как тигр в клетке. В руках он сжимал распечатку с гистограммой клеточного метаболизма, датированной 1944 годом. По ней, лимфоциты неизвестного субъекта сохраняли 97 процентов активности после дозы радиации, убивающей слона¹².

– Это невозможно, – сказал он в пятый раз, но уже без прежней уверенности. В его голосе звучала растерянность, недоверие. – Ты видишь эти кривые апоптоза? Они не просто пологие. Они... инвертированные. Клетки под воздействием смертельных доз излучения не умирали. Они сначала замедляли метаболизм, а потом... активировались. Как будто стресс был для них не угрозой, а... сигналом к перезагрузке. Такого не бывает.

– Не бывает, – согласилась София, не отрывая взгляда от экрана. – Значит, есть белые пятна, неоткрытые законы. Видишь этот протеомный анализ? – Она ткнула пальцем в строку таблицы. – Полное отсутствие маркеров клеточного старения¹³. P16, p21, бета-галактозидаза – на нуле. При этом теломеры¹⁴... они не просто не укорачиваются. Они показывают признаки наращивания. Фермент теломераза здесь ни при чём. Это что-то иное.

– «Иное» – это не научный термин, Софа! Это магия или фальсификация! А этот... Витя. Ты слышала, как он говорил о принцессе и Алексее Михайловиче? Вообразил, будто видел её своими глазами. Он либо гениальный мистификатор с доступом к технологиям, либо...

– ...либо он и есть та самая аномалия, – закончила она за него, наконец, подняв на него взгляд. В её глазах горел тот самый холодный, аналитический огонь, который его одновременно будил в нём восхищение и тревогу. – И если это так, Ян, то он предлагает нам не теорию. Он предлагает образец. Живой, мыслящий, способный дать объяснения. Это не грант от министерства. Это ключ от двери, о которой мы даже не знали.

– А цена ключа? – Ян бросил распечатку на стол. – Он говорит о «контролируемом воспроизведении». О «терапии». Но что, если эта «аномалия» – болезнь? Что, если то, что он называет долгой жизнью, на самом деле – патологическое состояние? Рак? Заразное? Ты готова рискнуть Элизой, введя ей... я не знаю что, полученное от человека, который, возможно, не человек?

– Готова ли я смотреть, как она умирает, зная, что могла попытаться её спасти, но побоялась «риска»? – Её голос оставался ровным, но каждый звук был отточен как скальпель. –

¹² Радиационное поражение клеток происходит из-за разрыва молекул ДНК высокоэнергетическими частицами. Устойчивость, описанная в отчёте, требовала бы либо фантастической эффективности систем репарации ДНК, либо иного, ранее неизвестного механизма защиты на уровне атомарных структур.

¹³ Маркеры клеточного старения (senescence-associated biomarkers) – специфические белки и ферменты, которые накапливаются в стареющих клетках, прекративших деление. Их отсутствие говорит о том, что клетки не стареют классическим путём.

¹⁴ Теломеры – защитные «колпачки» на концах хромосом, укорачивающиеся с каждым делением клетки. Их длина – один из ключевых молекулярных «часов» старения. Наращивание теломер без теломеразы противоречит современным моделям.

Наши методы исчерпаны, Ян. Институт нас закрывает. Через месяц у нас не будет даже микроскопа. У Элизы, судя по последним анализам, может не быть и месяца до следующего кризиса. Что мы предложим ей тогда? Утешительную статистику по паллиативной терапии?

Её слова повисли в воздухе. Тяжело, неоспоримо. Они были врачами. Они внутренним взором видели графики выживаемости. Они знали, как выглядит конец этого пути.

Ян подошёл к окну, уперся лбом в холодное стекло. За ним спал чужой, равнодушный город.

Мысли вихрем пронеслись по одному и тому же лабиринту, где каждый поворот уже был пройден.

– Стандартная химиотерапия исчерпана. Резистентность, мутации, вторичный лейкоз. В стационаре ей давали недели. Дома – хотя бы дни без трубок. Ян тяжело вздохнул.

– Ты говоришь как он. Ты уже принимаешь его логику. «Цель оправдывает средства».

– Нет, – резко сказала София. – Я принимаю логику выживания. Единственную логику, которая имеет значение, когда речь идёт о твоём ребёнке.

– Я... Я не уверен, что в погоне за маловероятным мы потеряем себя. И её вместе с собой. Что такое этот Виктор, что он нашими руками может сделать с Элей? In vitro. Без неё.

– У нас нет времени, Ян. Но ты прав. Мы не будем играть в богов. Мы будем проверять. Шаг за шагом. С контролем. С верификацией. Если в его биологии есть опасность – мы её найдём. Если нет... мы найдём механизм. И адаптируем его.

Он хотел что-то ответить. Хотел сказать о скользкой дорожке, об этике, о том, что ещё смутно терзает его душу. Но слова застряли в горле комом беспомощной ярости на мир, на болезнь, на собственную неспособность найти иной выход.

И в этот момент тишину разорвал тонкий звук. Не громкий. Не резкий. Модулированный писк домашнего монитора Элизы. Тот самый звук, от которого у них сжималось всё внутри, даже во сне.

Сигнал тревоги. Частота дыхания: 28 и растёт. Сатурация кислорода 15¹⁵: 92 процента и падает.

Время замедлилось, потом рвануло с бешеной скоростью.

Они влетели в комнату дочери одним движением. Элиза не кричала. Она лежала, задыхаясь, её глаза были широко открыты, полны не страха, а острого, животного недоумения. Губы приобрели синеватый оттенок. Монитор над кроватью захлёбывался красными цифрами и графиками, уходящими вниз.

«Кризис. Острый респираторный дистресс-синдром на фоне лейкостаза 16¹⁶. Легкие заполняются», – пронеслось в голове Яна чистой, ледяной диагностической строкой. Он уже был у кровати, его руки сами нашли кислородную маску, подключили её к баллону.

– Эля, слушай мой голос, дыши со мной, – его голос, минуту назад дрожавший от сомнений, стал ровным, командным, маяком уверенности в нарастающем хаосе тьмы. – Глубокий вдох. Медленно. Вот так.

София действовала молча. Включила портативный аппарат ИВЛ 17¹⁷ на столе, готовя его. Быстрыми, точными движениями нашла в холодильнике шприц с метилпреднизолоном – ударная доза для подавления воспаления. Стерильной салфеткой протерла кожу на руке дочери.

– Ян, держи её.

Он крепче прижал руку Элизы. София ввела препарат. Девочка слабо вскрикнула. Её взгляд искал мать, умолял, спрашивал.

¹⁵ Сатурация кислорода (SpO₂) – показатель насыщения крови кислородом. Норма – 95–100 процентов. Падение ниже 90 процентов – признак серьёзной дыхательной недостаточности.

¹⁶ Лейкостаз – закупорка мелких сосудов скоплениями лейкоцитов (белых кровяных телец) при некоторых формах лейкоза. В лёгких это приводит к нарушению газообмена и отёку.

¹⁷ ИВЛ (искусственная вентиляция лёгких) – аппарат, принудительно доставляющий кислород в лёгкие.

«Почему опять? Почему я не могу просто дышать?»

– Всё хорошо, звёздочка, всё пройдёт, – шептал Ян, глядя её волосы, и его голос ломался, выдавая ложь. Он смотрел на монитор. Сатурация: 90 процентов. 89 процентов.

– Подключай ИВЛ, – сказала София. Её лицо было каменным. Внутри бушевала буря паники, но она загнала её в дальнюю клетку сознания. Сейчас нужны руки и расчёт.

Они работали в молчаливом, отточенном симбиозе, отключая всё лишнее. Ян интубировал¹⁸, София настраивала параметры аппарата. Шипение сжатого воздуха заполнило комнату. Грудная клетка Элизы начала ритмично подниматься и опускаться под механическим давлением.

Но монитор не успокаивался. Частота сердечных сокращений скакала. Давление падало. Лейкостаз давил не только на лёгкие. Он вызывал системный коллапс.

Час. Они боролись час. Вводили диуретики, чтобы снять отёк. Кортикостероиды. Кардиотоники¹⁹. Каждое их движение было отражением тысяч часов практики, но сегодня их опыт казался жалкой загородкой против наступающего прилива. Тело их дочери, хрупкое, гениальное биологическое устройство, отказывалось подчиняться законам, которые они так хорошо знали.

На рассвете, когда за окном посветлело грязно–серое московское небо, кризис отступил. Это затишье не было их победой, это затишье – истощившаяся в борьбе с их трио болезнь. Элиза, под действием седативных препаратов, погрузилась в тяжёлый, неестественный сон. Монитор показывал жёлтые, условно стабильные цифры. Сатурация: 94 процента (на аппарате). Частота сердечных сокращений: 110 (высоко, но не критично).

Они стояли по разные стороны кровати, покрытые потом, с пустыми шприцами в онемевших пальцах. Воздух был пропитан запахом лекарств, пота и страха. Тишина звенела оглушительно.

Ян смотрел на лицо дочери, на синяки под глазами, на капельницу, вводившую в её вену ядовитые, но жизненно–необходимые жидкости. Он видел свою маленькую девочку, которая любила звёзды и смеялась над его шутками. Которая сейчас была привязана к машине, чтобы просто дышать.

София смотрела туда же. Только видела другое. График. Пик кризиса, плато, медленный спад. И следующий пик, который, согласно всем моделям, будет выше. И следующий – станет последним. Её разум, измождённый, но упрямый уже строил вероятностные деревья. Шансы с текущим лечением: меньше 5 процентов на год. Шансы с новой, экспериментальной терапией от Виктора: неизвестны. Но неизвестность – это не ноль. Это переменная. А с переменными можно работать.

Она медленно, как автомат, отвернулась и вышла из комнаты. Прошла через гостиную, остановилась у большого окна. За стеклом город просыпался. Люди шли на работу, жили своей жизнью, в которой не было этого тихого шипения аппарата ИВЛ и запаха смерти в детской.

В её руке, сжатой в кулаке, была та самая визитная карточка. «Д–р Виктор К.». Бумага впиалась в кожу.

За спиной раздалися шаги. Ян вышел, прислонился к косяку. Его лицо было серым, измождённым, вполне отражающим внутреннюю опустошённость. Вся его осторожность, все моральные дилеммы были сожжены в горниле только что пережитого часа. Остался лишь пепел.

София не обернулась. Она смотрела на первые, жидкие лучи солнца, пробивавшиеся через смог.

¹⁸ Интубация – введение трубки в дыхательные пути для обеспечения проходимости и подключения к аппарату ИВЛ.

¹⁹ Кардиотоники – препараты, усиливающие сократительную способность сердца.

– Он прав, – сказала она. Голос был тихим, монотонным, безэмоциональным. Констатация факта, как запись в протоколе. – Наши методы исчерпаны. Его предложение – единственный логичный шанс. Для нас. Для неё.

Ян молчал. Он смотрел ей в спину. На ее силуэт, на короткие светлые пряди, на напряжённые плечи. Он ждал, что внутри него поднимется протест, страх, что–нибудь. Но поднялась только леденящая пустота. Пустота и мысль, от которой не было спасения: Она уже умирает. Всё, что мы делаем сейчас – это продлеваем агонию. Известными методами.

– А если цена будет чудовищной? – спросил он. Это был уже не вопрос, а эхо его прежнего «я», которое он ощущал, как отдаляющийся берег прежних ориентиров.

София обернулась. В её глазах не было огня убеждения. Там была глубокая, бездонная темнота решимости, достигшее дна отчаяние и понимание.

– Я понимаю тебя.

Она протянула руку с визиткой, будто передавая эстафету. Или приговор.

Ян посмотрел на карточку. Потом – в сторону комнаты дочери, откуда доносилось ритмичное шипение аппарата. Он увидел в памяти её улыбку. Услышал её слова: «Это просто ещё одна переменная в уравнении».

Он взял визитку. Холодный, плотный картон. Затем взял руку Софии. Она была холодной, как металл.

Ян ничего не ответил.

Он просто стоял, сжимая её руку в своей. Понимая, что равновесие их мира только что рухнуло. Опоры – наука, этика, привычный порядок вещей – ушли из–под ног, оставив их одних в холодной невесомости.

За окном окончательно рассвело. Наступил новый день. День, в котором больше не существовало «до» и «после». Было только «теперь». И путь вперёд – в туман, где ждал Виктор, его данные и возможность спасения, пахнувшая серой и ладаном, старыми книгами и холодным железом.

Глава 2: Цена переменных

СЦЕНА 1: ГРЯЗНОЕ ЛЕКАРСТВО

Отделение детской онкологии, Городская клиническая больница №75.

Ян Коваль, врач–реаниматолог, 42 года.

Январь. Серое небо за окном режет глаз.

Тимур, мальчик восьми лет, лежал в боксе номер семь уже четыре месяца.

Диагноз: нейробластома четвертой стадии, метастазы в костный мозг и лимфатические узлы. Три линии химиотерапии провалились. Таргетная терапия дала ремиссию на шесть недель – ровно столько, чтобы родители успели поАверить. Теперь опухоль росла снова, и протокол предписывал паллиатив: обезболивание, увлажнение слизистых, разговоры о принятии.

Ян заходил в седьмой бокс из смутно объяснимого личного интереса. Тимур был пациентом Корсакова, пожилого усталого онколога, который давно перестал различать, уходящих пациентов, по именам. Лев Корсаков брал дополнительные смены в частной клинике, а по ночам, случалось, Ян оставался старшим дежурным врачом.

Первая встреча произошла в три часа ночи, в конце ноября.

Ян зашел проверить инфузомат – аппарат пищал, сигнализируя о воздушной пробке в линии. Тимур не спал. В свете монитора мальчик сидел, подобрал под себя худые ноги, и собирал из одноразовых шприцев, капельниц конструкцию, отдаленно напоминающую башенный кран.

– Не спится, – сказал Ян, пережимая систему.

– Спать – время терять, – ответил Тимур, не поднимая головы. – У меня его мало.

Яну нечего было на это ответить. Он поправил капельницу, убрал воздух. Уже у двери услышал:

– А вы верите, что на Марсе будут города?

Ян остановился.

– Не знаю. Наверное, если очень захотеть.

– Захотеть мало, – Тимур, наконец, поднял глаза. Серые, спокойные, без детской наивности. – Материалов нет. И гравитация низкая. Кости атрофируются.

– Откуда ты знаешь?

– «Википедия» и канал «Космос просто». – Он помолчал. – У меня планшет сломался.

Мама починит, говорит, но у неё времени нет.

Ян кивнул. Вышел.

Через два дня он принес Тимуру свой старый ноутбук – тяжелый, медленный, но с хорошей батареей и скачанным архивом видео лекций по астрофизике.

Февраль сменил январь.

Тимур слабел физически – быстрее, чем ожидалось. Обезболивающие работали хуже. Он перестал вставать, потом перестал садиться. Ноутбук лежал рядом открытым на одной и той же странице – «Что с вами будет в четырёхмерной Вселенной?».

Ян заглядывал между сменами. Садился на стул у окна. Иногда молчали. Иногда Тимур задавал вопросы:

– Почему людям не страшно лететь туда, откуда нельзя вернуться?

– Потому что обратно и не хочется. Или, возможно, из любопытства – что там за горизонтом?

– А если там всё такое же, вдруг там тоже будет больно?

– Пока не добрались, наверняка ничего нельзя сказать.

Тимур кивал, словно получил исчерпывающий ответ.

—

Седьмого февраля Ян заметил, что мальчик перестал спрашивать.

Боль заполнила собой пространство бокса, вытеснив любопытство, а затем и речь. Тимур лежал, глядя в потолок. Морфин помогал, но крал сознание – мальчик проваливался в сон на час, просыпался с тихим стоном, засыпал снова. Мать, осунувшаяся, почти прозрачная от бессонницы, и бабушка – дежурили по очереди.

Ян наблюдал. Считал.

Морфин. Тридцать миллиграммов в сутки. Сорок пять. Шестидесят. Толерантность росла быстрее, чем метастазы. Через неделю доза перестанет работать совсем. Дальше – только седация, медикаментозная кома.

И тихая смерть через десять–четырнадцать дней.

Или...

—

Двенадцатое февраля, два часа ночи.

Ян сидел в ординаторской, глядя на экран монитора. Открытая база данных «Эос». Документация по протоколу «Гамма–7» – экспериментальная методика индукции апоптоза в резистентных опухолях. Недоработанная. Опасная. На людях не тестировалась.

У Тимура не было шанса. Но у протокола был шанс получить данные терминальной стадии – именно те, которых не хватало для калибровки доз.

Ян смотрел на цифры.

Вероятность летального исхода при введении: 99 процентов.

Вероятность получения релевантных биомаркеров: 78 процентов.

Вероятность того, что эти биомаркеры помогут спасти следующего ребёнка: неизвестна.

Он закрыл файл. Открыл снова.

Включил чайник. Выключил.

В три часа он вошёл в палату Тимура. Бабушка Тимура спала в кресле, уронив голову на грудь. Мальчик смотрел в потолок. Зрачки были расширены, дыхание поверхностное.

– Не спится? – тихо спросил Ян.

Тимур повернул голову. Движение заняло у него пять секунд.

– Страшно, – сказал он. – Не больно. Страшно.

– Чего?

– Что меня не будет. И Марс... построят без меня.

Ян сел на край кровати.

– Ты читал про «Вояджер»? – спросил он.

Тимур слабо кивнул.

– У него на борту пластинка. С координатами Земли, с музыкой, с приветствием на пятидесяти пяти языках. Он улетел в 1977–м. Сейчас он в межзвёздном пространстве. Батареи сядут через пять лет, и он будет просто лететь. Но послание останется.

– Я – «Вояджер»? – голос Тимура был тихим, почти беззвучным.

– Твои клетки могут стать посланием. Если ты разрешишь.

Пауза длилась долго. За окном мигали огни ночного города. Бабушка вздохнула во сне, перевернулась.

– Это не больно? – спросил мальчик.

– Нет. Ты просто уснёшь.

– А мама?

– Я поговорю с ней. И с бабушкой.

Тимур снова уставился в потолок. Ян уже решил, что ответа не будет, когда услышал:

– Хорошо.

—

Разговор с близкими Тимура Ян провёл наутро.

Он изложил факты так же сухо, как в отчёте: текущее состояние, прогноз, неизбежность.

И возможность ухватиться за смысл, изучить, дать шанс другим.

– Мы можем получить данные, которые спасут других детей. Ваш сын... он очень умён.

Его организм уникально реагировал на таргетную терапию. Эти маркеры – ключ.

Мать Тимура смотрела на свои руки. Бабушка молчала недолго, потом ответила:

– Вы хотите его убить.

– Я хочу дать ему выбор. И вам. Продлевать агонию морфином и седацией – тоже убийство. Только медленное и без права на надежду.

– Вы не имеете права... – начала мать, но голос сорвался.

– Не имею. Поэтому я здесь и говорю с вами.

Мать подняла глаза, полные усталости человека, который слишком долго смотрел на смерть в упор и в глубине давно принял неизбежный исход.

– Он согласился?

– Да.

– Тогда... – женщина сжала переносицу пальцами. – Тогда делайте. Только тихо. И без мучений.

Ян кивнул.

– Пятнадцатого...

—

Пятнадцатое февраля, 14:20.

Ян спускался по лестнице в морг, как в преисподнюю. Только здесь, внизу, среди холода кафеля и нержавеющей стали, он мог задать вопрос, на который не было ответа наверху. Поездке на лифте предпочёл «пешую прогулку» как способ отвлечься, упорядочить мысли – он шагал по бетонной лестнице, считая ступени. Семнадцать. Восемнадцать. Двадцать семь. За металлической дверью гудел вентилятор, вытягивая воздух, насыщенный формалином и чем-то ещё, для чего не было названия, но что въедалось в одежду после первого же визита.

В секционной горел яркий свет. Варвара Амировна, полная опрятная женщина лет пятидесяти с удивительно живыми глазами и руками, которым позавидовал бы скульптор, стояла над столом.

На столе лежал мужчина лет пятидесяти-шестидесяти – синюшный, отёчный, с характерным багровым отливом лица. Алкоголик. Доставка с улицы, неопознанный, предварительно – остановка сердца в состоянии глубокого опьянения.

Ян замер у входа. Металлический запах ударил в нос, смешиваясь с тошнотворной сладостью разложения. Он видел это сотни раз, но сегодня каждый запах, каждый звук – хруст разрезаемой ткани, звон инструментов о металл – отдавался в висках.

– Варвара Амировна, – сказал он. Голос прозвучал глухо, будто под водой. – Найдёте минутку... поговорить?

– Говори, – она взяла скальпель. – Только быстро и по делу. И зажим подай.

Ян шагнул к инструментальному столику. Руки двигались автоматически – взял зажим, подал. Варвара приняла его, не взглянув, и продолжила работу. В свете лампы блестела вскры-

тая брюшная полость. Печень – то, что от неё осталось, – представляла собой рыхлую, бурую массу, изъеденную циррозом до состояния губки.

– Ну ты посмотри! – комментировала свою работу Варвара, – сколько его лечили? Сколько раз говорили: бросай пить, плохо кончишь. А он не верил. Или верил, но не мог. Или мог, но не хотел. И теперь я тут смотрю на эту рухлядь и думаю, а вот стоило ли его лечить? Всё равно себя упрямо травил и требовал волшебную таблетку у терапевта, так без вмешательства быстрее бы сдох и не мучился, работой без толку не нагружал. Так о чём говорить хотел?

Ян сглотнул.

– Я пришёл... Я принял решение по одному пациенту.

– Ну?

– Мальчик, восемь лет. Нейробластома. Безнадёжен. Я... предложил родственникам и ему экспериментальный протокол. С летальным исходом. Ради данных.

Варвара на мгновение замерла. Потом продолжила работу.

– И?

– Я не уверен, что это правильно. Не уверен, что делаю это не для себя.

– А, так ты понять пришёл. Простите, препарировать идеи. Мешаешь тем, кто реальной работой занят. Слушай, мне до семи закончить надо, планы на вечер есть, знаете ли, а то еще биоптаты²⁰смотреть. И да, разумеется, для себя.

Варвара, наконец, подняла голову. Взгляд у неё был тяжёлый, но странно живой – как у человека, который видел слишком много смертей, чтобы бояться чего-либо, но недостаточно, чтобы разлюбить жизнь.

– Я тут каждый день вижу голый результат. Этот парень, может, был отличным отцом. Может, жену бил. Может, в хоре пел. Может горе подтолкнуло его к поиску правды на дне и это его оправдывает. Мне всё равно. Ты пришёл за разрешением? Я этого права тебе не выдам. Я приёмщик. Мне приносят – принимаю любых: грешных, святых, гениев и идиотов. Видишь? – Варвара указала инструментом на тело. – Внутри мы все одинаковые. Ну, более или менее. А вот снаружи... – Она хмыкнула. – Снаружи у каждого своя драма. У этого, например, драма была в том, что он выбирал между водкой и водкой. Идеалы, гниют быстрее печени. – Она надавила, и орган противно хлопнул. – Вот так. Смотри-ка, я тоже умею в философию... Завтра, послезавтра я только узнаю о твоём решении, лишь взглянув на стол. Кого решишь отправишь мне.

– Как? – вырвалось у Яна.

– Да так. – Она грустно усмехнулась и игнорировала требование дать оправдание за прозрачный намёк. – Если ты выберешь «ничего не делать», ко мне привезут мальчика через две недели. Истощённого, с пролежнями, с морфиновой интоксикацией. Я вскрыю и скажу: «Очередной паллиатив». Если ты сделаешь то, что задумал, я получу его завтра. Чистого, без мучений, с идеальными для науки образцами. И скажу: «Интересный случай». И всё. Мир не заметит разницы. Заметишь только ты.

Она снова вернулась к работе, ловко отделяя поражённые ткани.

– И что мне делать? – спросил Ян тихо.

– Мне откуда знать? – Варвара хмыкнула. – Я патаном, а не психотерапевт. Моё дело – описывать, а не советы раздавать.

Пауза затянулась. Вентилятор гудел, вытягивая воздух. Ян смотрел на её руки, уверенные и спокойные, на то, как легко они движутся в теле, которое ещё вчера было человеком.

²⁰ Биопат – образец ткани, полученный при биопсии — процедуре взятия образца ткани или клеток из организма для последующего исследования.

– Ты не святой, – сказала Варвара, не поднимая головы. – Я не судья. – Она хохотнула – коротко, хрипло, абсолютно неуместно. – Ха! Судить тебя с Мишей не станем. Но обсудим, это да.

Ян развернулся и пошёл к двери. Рука уже легла на холодную металлическую ручку, когда голос Варвары остановил его:

– Ян.

Он замер.

– Никто не судья, – сказала она уже без усмешки. – Кроме тебя самого. Если уж всё равно умрёт – пусть хотя бы умрёт не напрасно. А если боишься, что это самообман... – она чуть пожала плечами – может и самообман.

Ян обернулся. Варвара смотрела на него в упор – без тени осуждения, устало, спокойно.

– Ты уже всё решил, – сказала она. – Ты пришёл не за советом или разрешением. Ты пришёл за подтверждением того, что ад, в который ты собрался, существует. Ну, существует. Я тут каждый день. И знаешь что?

– Что?

– Здесь не больно. Здесь просто... ничего. – Она снова вернулась к работе. – А вот по дороге сюда – больно. Так что иди уже. Не задерживай. У меня планы на вечер.

– Спасибо.

– Дверь плотнее закрой, сквозняк!

Ян вышел.

Дверь захлопнулась, отсекая запах формалина и гул вентилятора. Он стоял в пустом коридоре, прислонившись спиной к холодной стене, и смотрел на тусклую лампочку под потолком.

Она права. Он уже всё решил.

Он просто хотел знать наверняка, что ад существует и что он там будет не один.

Шаги вверх по лестнице. Семнадцать, восемнадцать, двадцать семь ступеней.

Наверху его ждал Тимур.

Пятнадцатое февраля, 15:45.

Процедура заняла четыре минуты.

Ян ввёл препарат сам. Никакой торжественности, никакого благословения – только врачебные движения, отточенные тысячами инъекций. Катетер. Шприц. Медленное нажатие поршня.

Тимур лежал с открытыми глазами. За минуту до того, как зрачки перестали реагировать на свет, он посмотрел на Яна и спросил:

– А вы полетите?

Ян понял.

– Да, – сказал он. – Обязательно.

Мальчик улыбнулся. Чуть-чуть. И закрыл глаза.

15:49 – констатация биологической смерти.

15:57 – забор биопсийного материала.

Ян работал быстро, методично, почти отстранённо. Пробирки. Маркировка. Жидкий азот. Подпись в журнале.

«Тимур А., 8 лет. Причина смерти: полиорганная недостаточность вследствие основного заболевания».

Верно. Но правда не вся.

Он отдал пробирки курьеру «Эос» – женщине с непримечательным лицом, которая взяла контейнер молча и исчезла в лифте. Вернулся в ординаторскую. Сел. Посмотрел на свои руки без дрожи. Обратил внимание на ровное дыхание.

– Странно, – подумал Ян. – Должно же быть хоть что-то. Собственный покой, наверное, должен приводить меня в состояние ужаса?

—
София нашла его в восемь часов вечера.

Она вошла без стука – кажется, Светлова никогда не ждала разрешений. Встала у двери, скрестив руки.

– Я видела запись, – сказала она. – Протокол «Гамма-7». Твоя подпись.

Ян не обернулся.

– Варвара уже обрабатывает данные. Биомаркеры чище, чем мы ожидали. Ты верно выбрала пациента – его резистентность к апоптозу была уникальной. Это ускорит разработку на полгода.

Ян вздохнул.

– Ты поэтому пришла? Сказать спасибо?

– Я пришла понять.

Она сделала шаг вперёд, обходя стол, и встала напротив, всматриваясь в Яна, как исследователь изучает аномалию.

– Ты не психопат, Ян. У тебя нет инструментального отношения к жизни. Ты мучаешься. Я вижу. Но ты всё равно это сделал. Почему?

Ян поднял на неё голубые, полные усталой ясности глаза.

– Потому что он попросил.

– Он ребёнок. Дети не могут дать информированное согласие на эвтаназию.

– Он не давал согласие на эвтаназию. Он дал согласие на то, чтобы его смерть что-то значила. Это разные вещи.

София помолчала.

– Ясно. Теперь ты знаешь.

– Да.

– Ты понимаешь, что это значит?

Ян медленно кивнул.

– Это значит, что я стал тем, кто решает... Это значит, что я больше не могу называть себя «хорошим человеком». Если я вообще когда-то мог. Это значит, что теперь, когда я буду говорить о «меньшем зле», я буду знать, что это не теория. Я знаю цену. Я заплатил её.

Он посмотрел на свои руки.

– И знаешь, что самое страшное? Я не чувствую ужаса. Я чувствую... холод. И благодарность. Ему. За то, что позволил. Позволил мне не зайти ещё дальше. А я, кажется, мог бы. Так, у меня хотя бы есть иллюзия того, что не пал на дно... ещё.

София долго смотрела на него.

– Добро пожаловать, – сказала она тихо, – цена высока.

– Чудовищно.

Она обняла его. В тишине ординаторской, пока за окном февральский ветер гнал по небу рваные облака, Ян понимал, что он в темноте не один.

– Идём домой.

—

Три месяца спустя протокол «Гамма-7» выдал первую устойчивую ремиссию у ребёнка из Тюмени. Девочка по имени Амина. В пресс-релизе «Эос» не упоминалось имя Тимура.

Ян сохранил скриншот новостной ленты на своём старом ноутбуке. Там же, где остался открытым файл с лекциями по теме космоса.

Он так и не нашёл времени закрыть. Или не смог найти.

СЦЕНА 2: ВЕСЫ ОСИРИСА

Восемнадцатое февраля. Ян вышел из больницы в половине девятого вечера.

Смена выдалась тяжелой. Лечащий врач Тимура, Лев Корсаков вторые сутки не появлялся на работе и дома, как сквозь землю провалился. Яну удвоили нагрузку. Кроме того, два летальный исхода за смену и вязкая руминация не давала покоя, мысли возвращались к Тимуру. Ян заставлял себя не думать о нем, но безуспешно. Он пересекал парковку, когда фары белой «Газели» с логотипом частной клиники «МедЛайн» моргнули дальним светом.

– Ян Игоревич! – Из машины высунулся мужчина в синей форме, с усталым, смутно знакомым лицом. – Андрей, мы пересекались на консилиуме по саркоме Юинга в сентябре. Извините, что вот так... Там у вашей дочери... – он запнулся, – Срочно. Садитесь, по дороге объясню.

Сердце Яна замерло. Элиза. Он рванул к машине, не думая.

Внутри пахло дезинфектором и потом. Андрей захлопнул дверь, и «Газель» тронулась. Ян не успел спросить, что случилось, – в плечо вошёл укол, почти безболезненный.

– Извините, – сказал Андрей, отворачиваясь. – Так надо. Не бойтесь, это миорелаксанта. Пожалуйста, не паникуйте.

Язык онемел первым. Ян попытался закричать – из горла вырвался только сип. Тело налилось свинцом, веки опустились сами собой. Последнее, что он увидел, – Андрей, глядящий в боковое стекло с выражением человека, который только что совершил неизбежное.

Очнулся Ян в полной темноте.

Он лежал на жёсткой кушетке, руки были зафиксированы ремнями профессионально, без лишнего болезненного натяжения. Миорелаксанта выветривался, мышцы слушались, но каждое движение требовало усилия. В лицо ударил свет – зажглась лампа дневного освещения, смонтированная в низкий бетонный потолок.

Комната походила на старый бункер: стены крашены масляной краской, в углу – ржавая труба, на столе – кардиомонитор и ноутбук. Напротив, на табурете, сидел Андрей. В свитере, с кружкой кофе в руках.

– Очнулись, – сказал он без интонации. – Хорошо. Будем говорить.

Ян молчал, оценивая обстановку. Монитор, ноутбук, ремни – всё говорило о том, что это не рэкет. Медицинская структура, судя по инструментарию. И Андрей – реальный врач, не актёр. Он действительно видел его на консилиумах, конференциях, митапах. Значит, это не похищение ради выкупа. Идеологическое?

– Вы хотите меня в чём-то убедить, – сказал Ян. Голос звучал хрипло, но ровно. – Я слушаю.

Андрей беззлобно усмехнулся.

– Вы бы знали, Ян, как я устал от этой работы. Каждый раз одно и то же: талантливые люди, движимые лучшими побуждениями, съезжают с катушек. Ваша жена – талантлива, спору нет. Но она идёт по пути, который ведёт к катастрофе. Виктор, её новый покровитель... вы знаете, кто он на самом деле?

– Знаю, – ответил Ян. – И это не меняет того, что моя дочь жива благодаря ему.

– Жива. Пока. А дальше? – Андрей поставил кружку, подался вперёд. – Мы наблюдаем за вами. Видим, как вы втягиваетесь. Как начинаете оправдывать то, что ещё месяц назад назвали бы преступлением. Вы уже убили ребёнка, Ян.

Ян внутренне сжался, но лицо осталось непроницаемым.

– Это была эвтаназия, – сказал он. – В стране, где она запрещена.

– Вы открыли дверь, – тихо сказал Андрей. – После этого каждый следующий шаг даётся легче. Я знаю. Посмотрите, куда вы катитесь. Сначала – один пациент, потому что «так надо». Потом – второй. А когда София скажет: «Нам нужен донор для Элизы, живой донор» – вы тоже согласитесь?

Воцарилась тишина.

– Ладно. Я здесь не для того, чтобы вас ломать. Я здесь, чтобы предложить выход. Вы ведь не думаете, что я злодей? – спросил Андрей. – Нет. Я просто устал видеть, как талантливые врачи превращаются в фанатиков. Ваша жена уже там.

– Она спасает людей.

– Она спасает идею, – ответил Андрей. – А идея не знает жалости.

Он наклонился ближе.

– Григорий не чудовище. Он баланс, что не позволит вам стать лабораторией без границ.

Григорий может дать вам защиту. И вашей семье. Вы выйдете из этого проекта, перестанете быть подопытными кроликами в руках амбициозных безумцев. Элизу вылечат официально, под контролем Минздрава. Всё будет хорошо.

Ян молчал. В голове лихорадочно работал калькулятор: где он, сколько времени прошло, успеет ли София что-то предпринять. Но внешне он выглядел сломленным – опустил плечи, прикрыл глаза.

– Я устал, – сказал он тихо. – Вы правы. Всё это... слишком сложно. Слишком много грязи.

Андрей кивнул, с облегчением. Ему хотелось верить, что он спасает коллегу.

– Я помогу вам. Но сначала расскажите мне о протоколе. О векторе. Какие там реальные риски? Ваша жена скрывает данные, мы знаем. Что вы видели?

Ян вздохнул. И начал играть.

– Вектор нестабилен, – сказал он, глядя в пол. – Мы не знаем всех последствий. Мы играем с огнём. У Софии были сбои в трёх случаях из двенадцати. Она эти случаи не афишировала. Я сам не хотел верить, но... – он поднял глаза на Андрея, – вы ведь не скажете ей, что я вам это рассказал?

– Конечно нет, – мягко ответил Андрей. – Это останется между нами.

– Хорошо. – Ян снова опустил голову. – Я напишу всё, что знаю. Только... мне нужно время. И вода. И... можно снять ремни? Я никуда не денусь. Куда мне идти?

Андрей колебался секунду, но потом кивнул. Он расстегнул фиксаторы. Ян потёр запястья, восстанавливая кровообращение. Внутри него холодный стратег считал: Андрей один. Значит, либо он полностью уверен в изоляции, либо охрана снаружи. Проверим.

– Где мы? – спросил Ян, принимая стакан воды.

– В безопасном месте. Старое убежище. Связи нет, выбраться невозможно. Не пытайтесь.

Ян кивнул, делая глоток. И вдруг улыбнулся – устало, почти обречённо.

– Знаете, Андрей, я ведь понимаю вашу логику. Вы меня опекаете, решаете за меня, что лучше. Как я опекал Тимура. – Он покачал головой. – Круг замкнулся. Только есть одна разница.

– Какая?

– Я хотя бы спросил Тимура, хочет ли он умереть. А вы меня не спросили.

– Ты пишешь всё, что знаешь о проекте «Эос». О структуре, о векторе, о планах. Если данные совпадут с тем, что у нас уже есть – значит, ты честен. Если начнёшь врать – я пойму. И тогда, сам понимаешь...

– Понимаю, – тихо ответил Ян.

Андрей нахмурился, но ничего не ответил. Ян допил воду и сел к столу, готовый писать. В голове он уже выстраивал план дезинформации – смесь правды и лжи, достаточно убедительную, чтобы потянуть время.

– Как Вы оказались здесь? – Между делом спросил Ян.

– Примерно как и Вы. Пять или шесть лет назад. Пациентка, рак поджелудочной, последняя стадия, боли такие, что морфин не брал. Я ввёл калия хлорид. Прямо в палате, под капельницу. Две минуты – и всё. Чисто, тихо, без мучений.

Ян смотрел на него почти ошеломлённый схожим выбором, который не так давно казался ему недопустимым. В голосе Андрея не было нот печали покаяния – только констатация.

– И что? – спросил Ян.

– А то, что за мной пришёл Григорий с товарищами. Они предложили выбор: уголовное дело, либо работа на них. «Деликатные консультации», как они это называют. Я выбрал второе. И вот я здесь, в подвале, уговариваю коллегу не совершать моих ошибок. – Он усмехнулся. – Иронично, да?

– Ты работаешь на них пять лет?

– Считаю шесть. Видел многое. Видел, как «перевоспитывали» других. Некоторых – успешно. Они теперь в структуре, на хороших должностях. Некоторых... – Андрей запнулся, – некоторых я больше не видел. Когда человек перестаёт быть полезным или теряет лояльность, его просто убирают. Я знаю троих коллег, которые «ушли в частную практику за границу» и пропали. Ни писем, ни звонков. Просто исчезли.

– И ты до сих пор с ними?

– Я во многом согласен с курсом, оплата труда достойная. Возможность сделать мир чуть лучше, удерживая от ошибок, таких как ты.

Ян молчал, переваривая информацию. Андрей не злодей.

– Ты хочешь, чтобы я стал тобой? – спросил Ян тихо. – Ещё одним винтиком системы?

– Я хочу, чтобы ты остался жив, – ответил Андрей. – Григорию нужна не твоя смерть. Ему нужен контроль над проектом «Эос». Ты – рычаг давления на Софию. Если ты подпишешь соглашение о сотрудничестве, всё будет хорошо. Тебя отпустят, вернут к семье. Никто не пострадает.

– А если откажусь?

Андрей помолчал, глядя в пол.

– Тогда они начнут давить через Элизу. Не убивать – нет. Просто... сделают так, что её лечение станет зависеть от их решений. Затянут с поставками реагентов, «потеряют» документы. И София сама придёт к ним на поклон. Ты станешь не нужен.

Ян смотрел на него и видел: Андрей говорит правду. Свою правду человека, который немало времени смотрел в ту же бездну и теперь пытается спасти хотя бы одного, чтобы оправдать себя.

Ян долго молчал.

– Ты думаешь, что контролируешь ситуацию, – сказал он тихо.

– Я знаю, что контролирую.

– Нет. Ты веришь, что контролируешь.

Андрей нахмурился.

– Григорий держит тебя не потому, что ты полезен, – продолжил Ян. – А потому что ты послушен. Полезных не держат в подвалах. Их держат в кабинетах.

Это уязвило.

– Я работаю добровольно.

– Добровольно – не значит свободно.

Пауза.

– Ты говоришь, что спасаешь меня от фанатизма, – сказал Ян. – Но сам живёшь в системе, где люди исчезают. Где тебя отправляют похищать коллегу. Где твоя мораль стала служебной инструкцией. Идея не знает жалости?

Андрей отвёл взгляд.

В коридоре завывала сирена.

Часть 2. Синтез эпох

В девятом часу София не нашла Яна в ординаторской. Сообщения – прочитаны не были, звонки уходили в пустоту. Она убеждала себя, что телефон разряжен, он просто уехал домой. Но тревога уже скатывалась комом в горле.

Дома её ждал Артур.

– Где Ян? – спросила она вместо приветствия.

– У Григория, – спокойно ответил он. – Едем.

Два часа назад Виктор стоял перед гигантским экраном с инженерной картой подземных сетей Москвы. Тоннели, вентиляционные шахты, резервные линии, аварийные шлюзы – город выглядел как вскрытый организм.

София стояла за его спиной.

– «Крипта», – сказал Виктор. – Бывший командный пункт гражданской обороны. Законсервирован в девяностых, потом приватизирован. Сейчас используется для... деликатных бесед. Пленников обычно держат в комнате номер три. Старый изолятор, отдельный вход, бетон в метр толщиной.

– Обычно? – сухо спросила София. – И как мы попадём внутрь?

– Объект старый. Его слабость – безопасность прошлого века.

Он увеличил схему.

– Там система пожаротушения на фреоне. Я могу запустить ложную тревогу. Автоматика перекроет часть коридоров, откроет аварийные шлюзы. Паника, суэта, разрыв цепочки привычного распорядка.

– И мы войдём?

– Войдёшь только ты.

– Почему?

– Потому что если войду я, это равносильно объявлению войны. Нам нужен не штурм, а частная операция.

Он сделал паузу.

– Я участвовал в проектировании часть этих коммуникаций. В другой жизни.

София медленно кивнула. С таким аргументом спорить было бессмысленно.

– Коротко. План?

– После тревоги у тебя будет четыре-пять минут. Главный вход откроется по коду и карте – вот.

Он протянул ей пульт с одной кнопкой.

– Это активатор клапана в вентиляции коридора перед залом. Газ «Тишина». сверхактивный нервно-паралитик. Смерть через три минуты, без мучений.

Она молча смотрела на пульт.

– Это крайняя мера, – сказал Виктор. – Но иногда крайняя мера – единственная.

Он открыл кейс. Респираторы. Шприцы.

– Пралидоксим²¹? – Спросила София.

²¹ Пралидоксим – антидот фосфорорганических соединений.

– И атропин²², – уточнил Виктор, – Введи заранее. Вероятна тахикардия, сухость во рту, возможно головокружение. Но ты останешься на ногах.

София кивнула, не отрывая взгляда.

– Ян жив? – спросила она тихо.

– Да. Они включили кондиционирование и заказали еду на двоих. Значит, разговор ещё идёт.

Она сделала инъекции прямо там, в бедро. Пальцы слегка дрожали.

– Я готова.

– Ещё кое-что, – Виктор надел Софии на шею крохотную капсулу-маячок. – Это для визуального мониторинга.

– Я буду видна под слоем земли и бетона?

– GPS там бесполезен, – сказал Виктор. – Но это инерциальный маячок с атомным таймером.

Он коснулся маленькой капсулы.

– Он фиксирует каждое твое движение – ускорение, поворот, шаг.

– Мы уже загрузили план комплекса, – сказал Виктор. – Когда ты идёшь, система сопоставляет траекторию с архитектурой.

София нахмурилась.

– А сигнал?

– Иногда он отправляет короткий пакет на сверхнизкой частоте.

Виктор вздохнул.

– И ещё он следит за пульсом.

– Зачем?

– Если сердце остановится, мы будем знать.

Часть 3. Операция «Крипта»

Час спустя София стояла перед массивной металлической дверью в торце длинного подземного коридора, чувствуя, как дрожат и холодеют пальцы. В наушнике трещал голос Виктора:

– Тридцать секунд.

Она положила руку на панель.

– Код: 04111973. Дата запуска объекта.

Щелчок.

Сирена взвыла ровно в тот момент, когда дверь открылась.

София скользнула внутрь.

Шаги. Крики. Металл. Эхо.

Она двигалась быстро. Трубы, лестницы, сырость, запах пыли и электричества. Дыхание под респиратором казалось громким, как шум двигателя. Фильтр респиратора слегка затруднял дыхание, но это была приемлемая плата за риск. Наконец впереди показался выход. София замерла, прислушиваясь.

– ...если он подпишет, всё закончится.

– Они всегда подписывают.

Шаги удалились.

София толкнула дверь.

Ян сидел на металлическом стуле. Лицо бледное, но глаза живые.

²² Атропин – препятствует передаче нервных импульсов в парасимпатической части нервной системы, что приводит к релаксации гладких мышц, уменьшению выделения желудочного сока и слюны, а также расширению зрачков.

– Ты пришла, – выдохнул он.
София передала шприцы, – В бедро, быстро, – Ян уверенным движением вогнал иглу в мышцу через одежду, нажал на поршень.
– План?
– Выбраться отсюда.
В этот момент дверь распахнулась.
На пороге стоял Андрей.
Он замер.
Секунда.
Вторая.
София уже держала пульт.
– Не делай этого, – тихо сказал он.
– Тогда помоги.
Он посмотрел на Яна, потом на неё.
– Тоннель? Вы не выйдете. Они уже перекрывают все очевидные пути.
Он указал назад.
– Есть сервисный люк. Его закрыли формально, замок давно не меняли, техники иногда его используют.
– Почему ты помогаешь? – спросил Ян.
Андрей криво усмехнулся.
– Потому что я не хочу, чтобы сегодня умерло больше людей, чем нужно.
Шаги уже гремели по коридору.
– Респиратор, – сказала София.
Она протянула ему маску.
Он надел её без спора.
Они побежали.
Когда за углом показались силуэты охраны, София нажала кнопку.
Глухой хлопок в вентиляции. Шипение газа. Охранники сделали шаг, другой. Один из охранников остановился, словно не понял, что происходит.

Потом посмотрел на Софию – вдруг начал задыхаться. У одного начался кашель, переходящий в рвоту, у второго глаза полезли из орбит, зрачки сузились в точки. Они оседали медленно, корчась в судорогах. Через тридцать секунд оба затихли.

Ян перешагнул через тела, подхватил Софию под руку, и они нырнули в люк. Андрей, бледный, смотрел на упавших, потом перевёл взгляд на Софию.

– Веди, – бросила она.
Он побежал вперед, спотыкаясь, указывая дорогу.
Тоннель уходил в темноту, он оказался узким, низким, почти забытым. Кабели, пыль, вода под ногами.
– Налево, – говорил Андрей. – Потом вверх.
Виктор в наушнике:
– Вы идёте правильно. Двадцать метров – выход в сервисный блок.
Они выбрали в старый технический гараж.
Через минуту у ворот остановилась машина.
Виктор открыл дверь.
– Быстро.
Они сели. Дверь захлопнулась. Машина рванула с места.
В салоне авто никто не нарушил тишину.

Часть 4. Тёмный финал

Старая квартира Виктора на окраине, была тихой, почти пустой. Старые книги, минимум мебели, запах дерева и пыли.

Ян сидел на диване, сжимая стакан с водой. Руки слегка дрожали – последствия миорелаксанта и адреналина. София у окна.

– Спасибо, – сказал Ян.

Всё ещё бледный Андрей пожал плечами.

– Мне нужны документы, – сказал он. – И деньги. И билет куда угодно.

– Будут, – ответил Виктор, появляясь в дверях. – Но сначала ты расскажешь всё, что знаешь о структуре Григория. Каждую мелочь.

Андрей кивнул, готовый на всё.

Ян смотрел на них, и внутри него медленно таял последний лёд. Он больше не был прежним собой, терзающимся врачом, который спускался в морг к Варваре. Он был частью чего-то другого – скользкого, тёмного, опасного.

Виктор внимательно выслушал отчёт Андрея. Молча.

Затем говорит:

– Ты сделал верный выбор. Но знаешь непростительно много.

Андрей бледнеет.

– Я буду полезен!

Виктор улыбнулся нечеловеческой улыбкой.

– Будешь.

Шаг. Рывок. Укус.

Ян встал. Но мгновенно осознал, что ничего не противопоставит Виктору. Он оказался у шеи Андрея раньше, чем успел закончить вдох. Ян вдруг подумал, что этот разговор похож на суд, где приговор выносится ещё до слов. Они впервые ясно понимают, что их союз с Виктором – сделка с хищником.

Виктор не выпил всю жизнь Андрея без остатка. В качестве чёрной платы – надрезал своё запястье и заставит Андрея сделать глоток.

Андрей закашлялся. Распахнул глаза. Это не было пробуждением. Впервые в жизни он перестал принадлежать себе. Он смотрел на Виктора как на единственный источник кислорода.

Виктор знал этот взгляд.

Он появлялся почти у всех после первого глотка вите вечного.

Истинные узы крови ещё не сформировались – еще нет. Для устойчивой связи требовалось трижды принять кровь одного и того же вампира. Тогда зависимость закреплялась окончательно, превращаясь почти в религиозную преданность.

Но даже одна доза уже меняла человека.

Кровь вампира действовала глубже любого наркотика. Она перестраивала нервную систему, усиливала чувства, замедляла старение, обостряла восприятие – и одновременно оставляла в сознании тихую, но настойчивую мысль.

Источник.

Андрей ещё мог уйти. Теоретически.

Но Виктор слишком хорошо знал: большинство людей после первого опыта начинали смотреть на своего создателя так, словно тот держал в руках не просто их жизнь, а сам воздух, которым они дышали.

Ян осознал: они не спасли человека, а приобрели новый инструмент.

СЦЕНА 3: АРХИВ МЁРТВЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Москва, особняк Виктора.

Ян, София, Виктор.

Ночь девятнадцатого февраля, за окнами занимается рассвет.

Они вернулись в особняк под утро.

Город ещё спал, но Виктор во сне не нуждался. Он провёл их через анфиладу гостиных – мимо библиотеки с книгами на дюжине языков, где корешки трудов Феофана Прокоповича соседствовали с изданиями Михаила Ломоносова и первыми публикациями Александра Блока. Мимо застеклённой компактной лаборатории, где гули в стерильных комбинезонах бесшумно перебирали пробирки с образцами ДНК. Мимо гостиной в стиле ампир, где на стенах висели портреты людей, чьи имена Ян смутно помнил по учебникам истории.

В конце длинного коридора была потайная дверь, которая сливалась с остальной отделкой стен буазери, за которой скрывалась еще одна – массивная, стальная дверь, украшенная гербом, выбитым в металле: двуглавый орёл, без корон, словно утративший венцы за века скифских времен. Дверь с электронным замком и старинной механической скважиной под ключ – резерв на случай, если цивилизация опять решит исчезнуть.

Виктор вставил и провернул ключ, приложил ладонь к сканеру. Дверь открылась бесшумно.

– Добро пожаловать в мой личный архив, – сказал он. – Сюда я привожу только тех, в ком видел потенциал. Или тех, кто уже одной ногой там, куда я не хочу возвращаться.

За дверью оказалась лестница вниз. Ступени были каменными, стёртыми за десятилетия. Узкий тоннель с арочным потолком сплошь выстланный тёмно графитовым металлом. Ещё одна идентичная первой, стальная, за которой покоилось основное подземное помещение. Свет автоматически включился, и они увидели, бетонные стены, выкрашенные белой краской.

Внизу пахло сухим воздухом, озоном от работающих систем поддержания микроклимата и чем-то ещё – неуловимым, сладковатым, тревожным, что Ян опознал как запах формальдегида, но приглушённый, смешанный с другими химическими оттенками.

Подвал оказался огромным – бывшее бомбоубежище сталинских времён, расширенное и переоборудованное в нечто среднее между научной лабораторией и мавзолеем. Вдоль стен, в три яруса, стояли стеклянные капсулы, напоминающие вертикальные аквариумы. Внутри каждой – тело, погружённое в прозрачную субстанцию, похожую на густой гель. От капсул тянулись тонкие трубки к системам жизнеобеспечения, мягко гудели насосы, переливались огни на контрольных панелях.

Ян насчитал шесть капсул – аквариумов.

– Это не морг, – сказал Виктор, перехватив его взгляд. – И не коллекция трофеев. Это – инкубатор. Архив. И, если хотите, чистилище. Каждый из них – моя ошибка, моя надежда или моё поражение. Некоторые мертвы – их мозг не выдержал столетий, и я сохраняю тела, потому что не знаю, как по-другому почтить их память. Некоторые – в торпоре. Глубочайший сон, из которого, возможно, однажды удастся их вывести. Когда появится лекарство от их болезни.

– От какой болезни? – спросила София.

– От вечности, – просто ответил Виктор. – Идём. Я покажу вам мою галерею ошибок.

Он подвёл их к первой капсуле. Внутри, в голубоватом свечении, парил мужчина, одетый в бежево-серебристый комбинезон. На лице застыла надменная полуулыбка человека, привыкшего повелевать.

– Граф Александр Андреевич Апраксин, – сказал Виктор. – Вернее, тот, кто носил это имя при дворе Елизаветы Петровны. Родился в 1728-м, обращён мной в 1756-м. Тогда я сам увлекался властью, масонством, дворцовыми интригами.

Думал, что смысл – в управлении людьми. Я учил его не править – направлять. Учился сам, как ветер учится обходить и обтачивать рельеф. Мы не двигали фигуры – мы меняли саму доску. Не говорили людям, что делать – лишь делали так, чтобы они сами приходили к нужным решениям и благодарили судьбу за собственный выбор.

Виктор провёл рукой по стеклу, и на мгновение в его глазах мелькнуло нечто похожее на гордость.

– Он превзошёл учителя. К 1790-м он уже контролировал половину европейских дворов через сеть агентов и подставных лиц. А потом случилось то, чего я не предусмотрел. Ему стало скучно. Власть – это игра, а любая игра приедается, если длится слишком долго. Александр попытался найти новый азарт – в алхимии, в мистике, в запретных ритуалах. Он возомнил себя новым Калиостро, пытался вызывать духов, искать философский камень. В конце концов, его рассудок не выдержал этого коктейля из цинизма и веры в чудеса. Он впал в манию величия, объявил себя мессией, собрал секту. Мне пришлось помочь ему закончить свой земной путь, когда он попытался принести в жертву своё дитя – Аду, к слову, мою внучку не по крови. – Виктор покачал головой. – Он в торпоре уже две сотни лет. Иногда мне кажется, что если бы тогда существовала психотерапия, если бы кто-то мог разобрать этот клубок из жажды власти и разочарования, может, его удалось бы спасти.

Они двинулись дальше. Следующая капсула хранила женщину с тонкими чертами лица, застывшую в грациозной позе.

– Анна, – голос Виктора изменился, стал мягче. – 1830-е годы. Эпоха романтизма, балов, дуэлей, Байрона. Я тогда сам искал смысл в мистике, в высоких материях, в поэзии. Анна была поэтессой, писала мрачные стихи о смерти, о вечности, о демонах. Она пришла ко мне сама – нашла через какие-то оккультные круги, умоляла дать ей бессмертие, чтобы проникнуть за завесу реальности, чтобы успеть написать всё, что задумала. Я видел в ней грань собственной души – такую же тоскующую, ищущую, готовую на всё ради творчества.

Он замолчал, глядя на спокойное лицо женщины.

– Я ошибся. Бессмертие не сделало её творческой глубины – оно убивало её. Она писала ещё лет двадцать, а потом нашла, что все её стихи – вариации одного и того же, что новых тем нет, что мир слишком тесен для вечности. Она попыталась найти утешение в добрых делах – стала врачом, лечила бедных, работала в холерных бараках. Надеялась, что если не может больше творить, то хотя бы будет спасать. Но каждый пациент, которого она не могла вылечить, оставался с ней навсегда. Вампирская память не стирается, Ян. Ты помнишь всё. Каждое лицо, каждую агонию, каждую мать, потерявшую дитя. Через пятьдесят лет она стала редко выходить из дома, чаще погружала себя в торпор, как акт побега в убежище небытия, где её собственные призраки не могли отыскать её. Ещё через пятьдесят – перестала двигаться. Кататония. Я забирал её память, фрагментами, но боль возвращалась. Эмпатия без тормозов – это ад.

Ян смотрел на Анну и чувствовал, как внутри разрастается холод. Тимур, умноженный на тысячи. Каждая смерть, каждый компромисс – навсегда.

– Торпор, – спокойно сказал Виктор.

Он постучал пальцем по стеклу колбы.

– Состояние, в которое вечные погружаются, когда не хватает крови, когда тело повреждено или когда нужно переждать время. Иногда годы. Иногда века.

Девушка внутри выглядела так, будто просто спит.

– В этом состоянии метаболизм почти останавливается, – продолжил Виктор. – Мозг работает на минимуме. Время перестаёт иметь значение.

– Удобный способ пережить катастрофу, – позволил себе комментарий Ян.

– Точно так. – продолжал Виктор. – Я не теряю надежды, что однажды появятся технологии или человек, способный выдержать чужую память, не растворившись в ней. Тогда я попробую разбудить её снова.

Он бросил быстрый взгляд на Яна. Тот почувствовал, как мурашки бегут по спине.

Третья капсула. Мужчина. Начало XX века, с жёсткими чертами лица, застывший в позе командира на мостике – прямая спина, чуть приподнятый подбородок, руки будто на эфесе шпаги.

– Пётр, – голос Виктора стал жёстче. – Конец XIX – начало XX века. Я тогда разочаровался в мистике и искал смысл в прогрессе, в науке, в железных дорогах и фабриках. Пётр был удивительно талантливым инженером, фанатиком порядка. Он проектировал мосты, заводы, целые города. Верил, что человечество можно спасти правильной организацией, научным подходом. Я дал ему силу – и он начал строительство своей утопии.

Виктор обвёл рукой капсулу.

– Сначала это выглядело прекрасно. Он создал образцовые посёлки в разных частях мира в рамках своих экспериментов для рабочих, где не было пьянства и преступности, где дети учились, а взрослые работали с полной отдачей. Система поощрений и наказаний, выверенная математически. А потом его модели показали, что «вредные элементы» – это не только преступники, но и просто несогласные. Инакомыслящие. Поэты, художники, философы – те, кто мыслит иначе, не как предписывала статистическая норма. Он начал «оптимизировать человечество». Сначала изолировал, перевоспитывал, потом... – Виктор запнулся. – Потом я узнал, что он создал на Кубе то, что он называл санитарной изоляцией общества. Сначала временной. Потом постоянной. Потом он перестал различать разницу. Я пытался остановить его – он ответил, что я устарел, что моя мораль – сентиментальный мусор, мешающий прогрессу. Что цель оправдывает средства, а он близок к цели.

– И вы его убили? – тихо спросила София.

– Пришлось. Но перед смертью он сказал мне слова, которые я запомнил навсегда: «Я делал то, чему ты меня научил. Ты дал мне силу, а силу нельзя применять наполовину. Либо ты используешь её до конца, либо она сожжёт тебя».

Виктор помолчал. – Он был прав. Я научил его только ремеслу, но не дал сердца. И теперь он здесь. Мёртв. Я храню его тело, как напоминание: чистый разум без любви – это тоталитаризм и деспотизм.

София смотрела на Петра и видела себя. Свою холодную расчётливость, свою готовность жертвовать малым ради большого. Свои эксперименты на добровольцах, свою веру в то, что она знает, как правильно. Она представила, как этот вектор уводит её дальше – и через сто лет она уже не отличает необходимость от жестокости.

Виктор провёл их дальше, показывая другие капсулы.

– Это Филиппо Беллини, – кивнул он на мужчину. – Сын флорентийского камнереза. Художник, скульптор, изобретатель. Я встретил его во Флоренции в конце XV века, думал, что бессмертие сделает его творчество бесконечным. Он создал несколько гениальных вещей, а потом... потерял вдохновение. Оказывается, творчество питается конечностью, смертностью, остротой момента. Когда у тебя впереди вечность, каждый мазок теряет цену. Всё, чем он обладает, – это его страдание. Он впал в депрессию, перестал питаться, перестал двигаться. Торпор. Уже почти 100 лет.

– А это – Зоя, – показал на пустую капсулу. Начало XX века. – Революционерка, эсерка... террористка. Она мечтала переделать мир, уничтожить несправедливость. Я поддержал её пламя из солидарности и интереса к неизвестному, потенциально прорывному мало предсказуемому результату. Она участвовала в трёх революциях, в Гражданской войне, в испанской, во Второй мировой. А потом увидела, как все её идеалы преданы, увидела цикличность исто-

рии, как маятник времени неумолим, новые вожди строят ту же несправедливость, только под другими флагами. Она разочаровалась в человечестве. Или близка к этому. Она пережила свой кризисный период, так что футляр не пригодился, чему я несказанно рад. Словом, всё же продолжает находить различные смыслы и сегодня.

Виктор обернулся к Яну и Софии.

– Я показал вам это не для того, чтобы запугать, – сказал он. – А чтобы вы поняли главное: сила не меняет человека. Она проявляет то, что уже есть внутри. Если внутри пустота – сила убьёт вас. Если внутри жажда власти – вы станете тираном. Если внутри боль – вы утонете в ней. – Он помолчал. – В вас есть трещины. Но у вас есть то, чего не было у них... Баланса. Вы – система, а не монолит. Вы можете быть якорем друг для друга. Когда один начнёт тонуть в рациональности, другой напомним о человечности. Когда второй захлебнётся в эмпатии, первый удержит его на плаву логикой. У них, – он кивнул на капсулы, – не было ни гибкости, ни противовеса. Они были одни. И одиночество убило их быстрее, чем что-либо ещё.

Он сел на старый деревянный ящик – единственный предмет мебели в этом зале, жестом приглашая их сделать то же. Ян и София остались стоять.

– Вы знаете, кто я? – спросил Виктор. – Не по документам, не по легендам. Кто я на самом деле?

Они молчали.

– Нет, конечно. – Он иронично улыбнулся. – Я родился в 1469 году, – начал он. – В семье Голицыных, не первых, но знатных. Звали меня Всеволод. Эпоха Ивана III, собирание земель, конец уделов. Я был диким, буйным, жизнелюбивым. Верил в сталь, в кровь, в хмель. В 1493 году меня обратила Елена, Византийская дама из свиты Софьи Палеолог, приехавшая в Москву с Софьей. Она была мастером манипуляций, вела тайные переписки, управляла брачными союзами. Ей было скучно при московском дворе, он искал развлечений. Увидел во мне идеального русского зверя, не способного к игре, идеальный инструмент – и обратила почти в шутку, на спор, как заводят борзую. Я был её псом. И я был счастлив. Бессмертие казалось вечной гулянкой, войной и охотой. Я пил кровь врагов на литовских фронтах, купался во внимании знатных и не только дам, жил с размахом упыря-аристократа. Смысла не было. Был азарт.

Он говорил, и его голос, словно калейдоскоп, менялся – в нём проскальзывали интонации разных эпох.

– Потом пришёл XVIII век. Разум, просвещение, Пётр, Ломоносов. Я увидел, как смертные строят империи, меняют мир. И мне стало скучно. Я решил, что смысл – в реальной власти. Стал масоном, железнодорожным магнатом, теньвым покровителем императоров. Владел потоками денег, информации, судеб. А потом понял: власть над смертными, чья жизнь – вспышка, подобна власти над муравейником. Интересно, но... мелко. – Он усмехнулся. – Тогда наступил XIX век. Тоска повела меня в мистику. Масонские ложи, Сведенборг, старцы, алхимия. Я искал ответы в духе, в магии, в ритуалах. Окружил себя символами, писал мрачные стихи, видел себя трагическим демоном русской истории. – Он покачал головой. – И это был нарциссизм. Магия не работала. Солнце по-прежнему жгло. Кровь по-прежнему была нужна. К 1917 году я окончательно разочаровался в «духовных поисках».

Он замолчал, глядя куда-то сквозь стены.

– А потом случилось чудо. Настоящее, трагическое, кровавое. Революция, войны, но главное – наука. Физика, химия, генетика. Люди расщепили атом, расшифровали геном, полетели в космос. И я понял: если магия – самообман, то наука – стоящий метод. Я начал учиться заново. Стал врачом, потом биологом, потом генетиком. Менял имена, страны, лаборатории. Я больше не искал смысл во вне. Я искал его в коде своей собственной природы. – Он поднял глаза на них. – Вы знаете, почему солнце жжёт нам кожу? Это не просто аллергия. Это символ. Символ всего, что нам недоступно: жизни, роста, открытости, будущего. Моя тоска по солнцу

– это тоска по эволюции. Я устал быть реликтом, хищником в ночи, тупиковой ветвью. Я хочу стать чем-то большим.

Он встал, подошёл к ним почти вплотную.

– Я успешно важивал на протяжении пятисот лет, потому что у меня не было ядра, которое можно сломать, – сказал он тихо. – Я пуст внутри. Как зеркало. Я отражал эпохи, принимал их ценности, их смыслы, их маски. Был зверем, когда это требовалось. Был царедворцем, когда это было выгодно. Был мистиком, когда душа просила чуда. Был учёным, когда наука стала новой религией. Я не менялся. Я приспособливался. Жил как вода в чужих сосудах. А вода не помнит формы.

И теперь я не знаю, был ли у меня когда-нибудь свой облик.

– И теперь, глядя на вас, я думаю, что вижу то, чего у меня никогда не было: цельность. Вы знаете, за что боретесь. Вы знаете, кого любите. Вы знаете, ради чего готовы умереть – и ради чего готовы отнять жизнь. У вас есть это... – он повёл рукой, пытаясь подобрать слово, – это нечто, что, что связывает не словами, не обещаниями и даже не любовью – а каким-то упрямым выбором быть вместе, сделанным задолго до этой ночи.

Ян и София переглянулись. В глазах Софии мелькнуло что-то, чего Ян раньше не видел – озарение, глубокое осознание того, что было всё это время рядом.

– У вас есть живые дети, – сказала София. – Григорий. Почему... Он жив? Виктор усмехнулся – невесело.

– Григорий... Да, он мой. Я дал ему становление в начале XX века, когда сам был увлечен идеями порядка и прогресса. Он впитал это – и пошёл дальше. Он создал свою систему, свою философию. Он верит в патернализм, в то, что люди – дети, которых нужно опекать, направлять, контролировать. Я не всецело согласен с ним, я считаю это опасным заблуждением. Но... – Виктор помолчал. – Он нашёл свой собственный смысл. Не мой, не заимствованный, свой. Пусть ошибочный, с моей точки зрения, пусть ведущий к конфликту, но свой. За это я его уважаю и не считаю себя вправе убивать. Он – эксперимент, который ещё не завершён. Возможно, он придёт к истине, если она вообще существует, своим путём. Или погибнет в борьбе за свою правду, но не в пустоте.

Он повернулся к капсулам.

– Эти – сломались. Потеряли себя, разбились о вечность. Григорий – держится. Он цельный внутри своей веры. Я не могу лишать его шанса.

Виктор снова посмотрел на них.

– Я не предлагаю вам стать моими учениками, не предлагаю гарантий – сказал он. – Я предлагаю партнёрство. Предлагаю вам силу, знания, опыт, ресурсы. Вы дадите мне то, чего у меня никогда не было: якорь. Пример. Возможность увидеть, как можно быть противоречивым, но целым. – Он чуть склонил голову. – Научите меня быть человеком. Или станьте моей самой прекрасной и страшной ошибкой.

В подвале повисла густая, как гель в капсулах, тишина.

София посмотрела на Яна. Ян – на неё. В этом взгляде было всё: память о Тимуре, страх за Элизу, усталость после побега, и то самое, невыразимое, о чём говорил Виктор.

– Мы видим риски, – сказала София. – Но без дара мы не защитим Элизу. И не построим то, что задумали.

– Тогда я обращаю вас, – кивнул Виктор. – Не сегодня. Подготовьтесь. Завершите дела. Попрощайтесь с жизнью, которую знаете. Дайте знать, как... если будете готовы. Кроме того, решим ещё ряд организационных вопросов, касающихся Элизы на период вашего отсутствия.

Ян шагнул вперёд.

– Спасибо... за откровенность. И за историю – Он обвёл рукой капсулы. – Мы запомним. Виктор чуть улыбнулся – одними уголками губ.

– Идите. Вам нужно отдохнуть. А мне – подумать.

Они пошли к выходу. У двери Ян обернулся. Взглянул на капсулы – на Александра, Анну, Петра, Филиппа. На лица, застывшие в вечном сне или в торпоре. Анна особенно привлекла его внимание – ему показалось, или её палец чуть дрогнул, когда он смотрел на неё? Нет, наверное, просто игра света.

Дверь закрылась, отсекая подвал с его призраками.

Наверху их ждал рассвет. За окнами особняка занималось обычное серое февральское утро. Для них – последняя зима человеческой жизни.

СЦЕНА 4: ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ

Двадцатое февраля, 07:13

Москва, квартира Яна и Софии.

Будничное утро сборов на работу несло в себе напряжение, требующее разрядки, будущее имело слишком туманные очертания.

– Нам надо поговорить, – сказал Ян.

Они сели на кухне. Чайник закипел, щёлкнул автомат – обычный, звук человеческого быта, который скоро станет для них таким же чужим, как звон колоколов для глухого.

София разлила чай. Ян смотрел, как пар поднимается над чашками, и думал о том, сколько таких утр у них было. И сколько не будет.

– Виктор дал нам время, выбор, – начал он. – Но дело не в этом. Дело в том, что мы хотим делать с этой жизнью. С той, которая будет после.

София сделала глоток чая. Молчала.

– Я не про Элизу, – продолжил Ян. – Элиза – это данность. Это наша ось, наша причина. Но если у нас впереди столетия, мы не можем просто вращаться вокруг неё вечно. Она вырастет. Уйдёт. Возьмётся строить свою жизнь. А мы останемся. И должны будем чем-то наполнить эту пустоту.

София подняла глаза.

– Говоришь так, будто имеешь план?

– В некотором смысле. Да. Мы идём до конца. Но мне нужно знать: движемся ли мы в одном направлении? Или у нас разные маршруты?

Пауза затянулась. За окном начинал заниматься серо-лиловый рассвет – последний рассвет, который они увидят людьми.

– Я не хочу бессмертия ради спасения людей, – сказала София. Голос её звучал безэмоционально ровно, но в нём впервые появилось что-то новое – не привычный холод, а скорее кристаллическая ясность. – Это слишком мелко. То есть, имею в виду – спасти людей можно и будучи смертной. Я хочу... – она запнулась, подбирая слово, – я хочу возможности переписать систему. Весь этот мир, где болезни побеждают раньше, чем мы находим лекарства. Где дети умирают, потому что у родителей нет средств на экспериментальную терапию. Где этика тормозит науку, а наука – этику. Я хочу убрать ограничители, чтобы добраться до... – в голосе послышалась нота восторженного предвкушения, сдерживаемого внутренней осторожностью относительно того, можно ли позволять себе надеяться, – даже не знаю пока до чего.

Ян кивнул. Он ждал чего-то подобного.

– А я не хочу спасать человечество, – сказал он. – Человечество – разнородно, почти абстракция. Я за всё хорошее, против всего плохого, – Ян усмехнулся. – Если серьёзно, хочу уменьшить долю слепой случайности в том, кто живёт, а кто умирает.

Они смотрели друг на друга через кухонный стол. Чай остывал.

– Значит, у нас разные миссии, – сказала София. – Ты – про каждого. Я – про всех.

– Да. Но это стороны одной медали. Это – система. – Ян впервые живо улыбнулся за последние сутки. – Если ты будешь проектировать идеальный мир, а я – следить, чтобы в нём никто не потерялся, мы можем сработаться.

София чуть приподняла бровь.

– Ты предлагаешь вампирское разделение труда в масштабах вечности?

– Примерно так. Я опасюсь быть запертым в одной из тех жутких подвальных банок Виктора. Я знаю, что нам нужен смысл. Он нужен и сейчас, он есть, но после... После он будет жизненно необходим.

София помолчала, переосмысливая слова.

– Архитектор систем и архитектор людей, – сказала она, наконец. – Звучит патетично, но мне нравится, на первые лет сто должно хватить.

– Всё, что мы делаем, звучит пафосно, если сказать вслух. Но в действительности – ты будешь сидеть за расчётами, а я – в палатах. И через сотню лет это будет значить больше, чем все наши сегодняшние страхи.

– Точно. Идеально, если начать строить Дивный новый мир, то делать это на том же Марсе... Вон Элиза только его и рисует. Ей тоже занятие найдётся.

Они замолчали. За окном совсем рассвело.

– Нам нужно решить, что делать с Землёй, – сказал Ян. – С проектами, с лабораторией, с архивами. Если мы уйдём к Виктору, всё это останется. И может попасть не в те руки.

– Ты предлагаешь уничтожить?

– Я предлагаю передать. Но не нашему новому закрытому сообществу. Настоящим учёным. Тем, кто продолжит, даже не зная всей правды.

София посмотрела на него с уважением.

– Опубликовать часть данных?

– Часть. Самую безопасную. Ту, что не позволит повторить наши эксперименты, но даст направление.

София вздохнула.

– Бессмертный учёный не должен владеть монополией на знания. Иначе мы ничем не лучше средневековых монахов, прячущих книги. А остальное?

– Остальное... – Ян помедлил. – Остальное мы заберём с собой. На Марс. Почему бы и да.

– Надо поговорить с Элизой, – сказала София. – Она имеет право знать.

– Знать что? Что мы собираемся стать монстрами ночи ради неё?

– И ради себя. Но да. Что мы небезосновательно собираемся жить. Долго. И что она будет частью этого, хочет она того или нет.

Ян кивнул.

– Вечером. Сейчас дадим ей поспать. А ещё нам пора.

Они допили остывший чай. Ян взял её руку в свою – просто так, без слов. И в этом жесте было больше, чем в любых обещаниях.

Через час они стояли в лаборатории «Эос».

Ночная смена разошлась, гули Виктора работали бесшумно, и никто не обратил внимания на двух людей, копирующих файлы на защищённые носители.

– Этот протокол можно публиковать, – говорила София, просматривая данные. – Здесь нет ничего опасного. Только общие принципы адресной доставки.

– А этот? – Ян указал на папку с грифом «Гамма-7». – Этот мы забираем. Полностью. Если он попадёт к Григорию, через год у него будет армия послушных гулей.

София кивнула, вставляя флеш-накопитель.

– Хотя, ты уверена, что мы имеем право забирать это? Скрывать от человечества?

– А ты уверен, что человечество готово к этому? – София обернулась. – Посмотри на новости. Войны, эпидемии, климатический кризис. Люди едва справляются с настоящим. Если дать им бессмертие сейчас, они просто начнут убивать друг друга эффективнее.

– Значит, мы решаем за них?

– Мы не решаем. Мы откладываем. До момента, когда-если они созреют. – София помолчала. – Это и есть цена, Ян. Мы берём на себя ответственность за знание. И это страшнее любого эксперимента.

Ян смотрел на неё и был согласен. Но горечь от вынужденного сокрытия от Мира технологического прорыва неизмеримо досаждала.

Они работали до обеда. К трём часам дня архив был разделён: пять процентов – в открытый доступ, двадцать – в закрытые фонды университетов под чужими именами, остальное – на жёстких дисках, которые уйдут с ними.

– Нужно в кадры, без отработки? – Спросила София.

– Без. Договорился – ответил Ян.

– Закончили, – сказала София, выключая сервер.

Ян кивнул. Он чувствовал странную пустоту – будто они только что похоронили кого-то близкого. Или самих себя.

—
Вечер. Москва, квартира Яна и Софии.

Ян, София, Элиза.

Они вернулись домой в одиннадцатом часу вечера.

Квартира встретила их спокойствием – из комнаты Элизы пробивался свет, слышалось тихое бормотание телевизора. Девочка дожидалась родителей.

Ян заглянул в приоткрытую дверь. Элиза сидела в кровати, обложенная подушками, с планшетом в руках. На экране – схема марсианской колонии, какие-то расчёты.

– Не спишь? – спросил Ян.

– Я вас жду, вообще-то, – ответила она, откладывая планшет. – Вы долго.

София вошла следом, села на край кровати. Взяла дочь за руку – на редкость без медицинской цели, без измерения пульса. Просто чтобы прикоснуться.

– Нам надо поговорить, – сказала София. – Серьёзно.

Элиза кивнула. В её глазах, казалось, не было больше детской наивности – только спокойное, почти взрослое понимание. Последние месяцы сделали своё дело: она испытала слишком много боли, слишком много границ, слишком много правды, чтобы оставаться ребёнком.

– Вы решили, – сказала она. Не спросила – утвердила.

– Да, – ответил Ян, присаживаясь на стул у кровати. – Мы едем к Виктору. Завтра.

Элиза помолчала, глядя куда-то в стену. Потом перевела взгляд на мать.

– Ты станешь... другой?

– Другой, – подтвердила София. – Но не чужой. Это главное, что я хочу, чтобы ты поняла. Мы останемся собой. Тем, что важнее тела.

– А если нет? – тихо спросила Элиза. – Если что-то пойдёт не так?

Ян и София переглянулись. Это был честный вопрос – и он требовал симметрично честного ответа.

– Мы не знаем, – сказал Ян. – Но мы идём туда вместе.

– И если что-то пойдёт не так, – добавила София, – мы будем искать решения. До последнего. Бороться.

– За себя? – спросила Элиза.

– За то, чтобы остаться собой, – ответил Ян.

– Хорошо, – сказала она, смотря на отца долго, изучающе. Потом вдруг улыбнулась – своей лучезарной улыбкой, которую Ян помнил с её малых лет.

. – Но вы должны пообещать.

– Что?

– Вы вернётесь. Не сразу, я знаю. Но когда я позову – вы придёте.

– Всегда.

София сжала её руку.

Элиза кивнула, удовлетворённая. Потом вдруг спросила:

– А кто со мной останется? Пока вас не будет?

– Артур, – ответил Ян. – Ты его знаешь, он приносил нам документы. Он будет рядом, если что.

– И Андрей, – добавила София. – Тот врач, который... ну, ты знаешь.

– Который вас похитил, а потом помог сбежать, – спокойно уточнила Элиза. – Я помню.

Он теперь наш?

– Он теперь сам по себе, – поправил Ян. – Но ему нужна защита, и он готов её отрабатывать. Виктор ему доверяет – насколько вообще можно доверять человеку, у которого выбора нет.

– А ещё будет Римма Октавиевна, – сказала София. – Частная медсестра. Она будет следить за твоим здоровьем и просто... быть рядом. Если захочешь поговорить с кем-то, кто... нормальный, не гуль и не вампир, – она улыбнулась.

Элиза задумалась, обдумывая план.

– Сколько у Виктора вообще этих... гулей? – спросила она.

– Шестеро, насколько могу предполагать – ответил Ян. – Артур, Андрей, двое в лаборатории, ещё двое на других объектах. Этого хватает пока для его нужд. Они не рабы, Эля. Они... зависимые. Это несколько разные вещи.

Ян вздохнул.

– Артур будет рядом. И врач. Настоящий человек. Мы не хотим, чтобы твоя жизнь состояла только из нас и наших решений.

– Я понимаю, – сказала Элиза. И после паузы: – А Виктор – он главный вампир, вроде Дракулы, самый старый?

– Не главный, – покачал головой Ян. – Среди них нет главных. Есть старые и очень старые. Виктор – один из старых. Есть и другие. Вероятно, нас рано или поздно представят сообществу.

– Как в школе? – усмехнулась Элиза. – Новеньких знакомят с классом?

– Примерно, – улыбнулась София. – Только школа существует пятьсот лет, и ученики истинно, что пиявки, выпивающие всю кровь.

– Это ужасно! – расхохоталась Элиза.

Она помолчала, потом вдруг спросила:

– А у Виктора есть семья? Ну, кроме вас?

– Была, – ответил Ян. – Мы видели их в его подвале.

Элиза не стала переспрашивать. Она поняла.

– Значит, вы рискуете не просто жизнью, – сказала она. – Вы рискуете стать такими, как они, «заложниками». Те, в подвале.

– Поэтому мы держимся друг за друга, – ответила София. – Поэтому у нас есть ты.

Они сидели втроём, в полумраке детской, и тишина окутывала их домашним теплом. Последняя человеческая тишина.

– Я тоже хочу выбирать, – вдруг сказала Элиза. – Когда-нибудь. Когда вырасту. Я хочу сама решить – оставаться человеком или стать... другой.

– Ты сможешь, – кивнул Ян. – Таков замысел.

– А пока, – добавила София, – ты будешь жить. Просто жить. Ходить в школу, читать книги, рисовать свой Марс. А когда придёт время – сделаешь свой выбор взвешенно.

Элиза кивнула. Потом вдруг обняла родителей так крепко, как только смогла.

– Я вас люблю, – сказала она. – Обоих. Даже если вы станете носферату.

– Мы постараемся не становиться, – пообещал Ян.

Они вышли из комнаты, прикрыв дверь. В коридоре было темно, только уличные фонари пробивались сквозь шторы.

– Ты как? – спросил Ян.

София молча обняла его. Прижалась щекой к груди – туда, где завтра перестанет биться сердце.

– Я чуть-чуть боюсь, – сказала она тихо. – Впервые в жизни – по-настоящему боюсь.

– Я рядом. И я тоже.

– Я знаю.

Они стояли в темноте, обнявшись, слушая, как за стеной тихо дышит их дочь. Последняя человеческая ночь.

Потом Ян взял её за руку и повёл в спальню.

Там не было слов. Только тела – ещё горячие, ещё живые, ещё человеческие. Только касания, в которые они вкладывали всё, что не могли выразить: страх, надежду, любовь, прощание с собой прежними. Последний раз, когда их тела принадлежали только им.

Когда всё кончилось, они лежали рядом, глядя в потолок.

– Завтра мы не увидим солнца, – сказал Ян.

– Увидим, – ответила София. – Просто по-другому.

Она повернулась к нему. В её глазах блеснули слёзы.

– Я люблю тебя, – сказала она.

– Я догадывался, – пошутил Ян.

– Рискуешь умереть несколько раньше задуманного, – пригрозила София и продолжила, – И хочу сохранить её там, по ту сторону.

– Сохраним, – пообещал Ян. – Вместе.

Они уснули – последним человеческим сном.

Утро перед уходом

Разбудил их запах кофе.

На кухне Элиза, одетая, с собранным рюкзаком, разливала напиток по чашкам. Выглядела она почти взрослой – серьёзной, собранной, но в глазах прятался тревогу.

– Я подумала, – сказала она, опираясь о спинку стула, – что мы должны позавтракать вместе. В последний раз.

Они сели за стол. Ели молча. Слова были излишни – всё уже сказано.

В дверь позвонили ровно в девять.

На пороге стоял Артур – спокойный, собранный, в тёмном костюме.

– Римма Октавиевна ждёт в машине, – сказал Артур. – Если Элиза готова, мы выезжаем.

Ян обернулся к дочери.

– Ты уверена?

Элиза подошла, обняла его – крепко, до хруста.

– Я позвоню, – сказала она. – Когда можно будет. Вы там... побыстрее.

Она обняла Софию, потом, не оборачиваясь, вышла за дверь.

Щёлкнул замок.

Звук оказался неожиданно громким – как будто дверь закрылась не только в квартире, но и в каком-то другом, более глубоком пространстве.

Ян ещё несколько секунд смотрел на неё, будто ожидая, что Элиза сейчас вернётся – вспомнит шарф, телефон, что-нибудь ещё. Но за дверью уже звучали чужие шаги, глухие голоса, лифт, и всё это быстро растворилось в обычной какофонии звуков подъезда.

В квартире стало слишком тихо.

София не сразу двинулась. Она стояла посреди комнаты, опустив руки, словно забыла, что с ними делать. На столе остывал кофе. Три чашки. Третья – почти нетронутая.

Ян подошёл, взял её, машинально отпил и тут же поморщился.

– Холодный, – сказал он.

– Да, – тихо ответила София.

Они смотрели друг на друга.

Минуту, может две, слушая, как работает холодильник и где-то в батарее перетекает вода, приводили мысли в порядок.

Потом София выдохнула.

– Нам нужно закончить всё здесь.

– Точно, – Ян кивнул.

Они двигались без суеты, спокойно, в их действиях появилась точность, которой раньше не было.

София разобрала папки с документами, сложила их в аккуратные стопки, подписала несколько конвертов.

Ян сел за ноутбук и долго смотрел на экран, прежде чем начал печатать.

Письма были короткими, сухими.

Только инструкции, доступы, контакты, комментарии к проектам, которые кто-то должен будет продолжить. Точные, деловые формулировки, как будто они просто уезжали в долгую командировку.

Ян закрыл последний файл, опустил крышку.

– Всё, – сказал он.

София кивнула.

—

Полдень

Они вышли из дома.

Двор был таким же, как всегда: детская площадка, лай собаки, женщина с пакетами из магазина, гогочущая стайка подростков у подъезда.

Никто не обращал на них внимания.

Никто не мог знать, что два человека только что окончательно решили перестать быть частью этого мира.

Они шли медленно, не обсуждая маршрут. Ноги сами вынесли их к знакомому кафе на углу.

Внутри пахло кофе, коричной выпечкой и влажной верхней одеждой. Люди сидели за столиками, разговаривали, листали новостные ленты в телефонах, смеялись. Жизнь текла густо, шумно, уверенно, но будто мимо них.

Ян заказал два американо и круассана.

Когда официантка ушла, он тихо сказал:

– Странно.

– Что? – спросила София.

– Всё выглядит как обычно. А у меня ощущение, что мы уже... где-то не здесь.

София посмотрела на людей вокруг.

– Потому что мы уже вышли из игры, – сказала она. – А миру всё равно, как если бы мы умерли.

Они пили кофе медленно, точно это был последний ритуал.

—

День

Они гуляли по городу без цели. Не торопясь. Иногда молча, иногда перебрасываясь короткими фразами.

Они проходили мимо витрин, остановок, офисов, школ, мимо людей, которые жили будущими планами, покупками, встречами, отпусками.

Ян вдруг сказал:

– Помнишь, как мы познакомились?

София улыбнулась.

– Ты пришёл спорить.

– Я пришёл доказать, что ты ошибаешься.

– А оказалось, что мы оба ошибались.

Он посмотрел на неё.

– Это был самый продуктивный спор в моей жизни.

София ничего не ответила, только сжала его руку.

—

Вечер

К сумеркам город приобрёл более мягкие черты. Свет фонарей растворялся в сыром воздухе, машины шуршали по мокрому асфальту, витрины загорались тёплыми прямоугольниками.

Они сидели в парке на лавке, где когда-то гуляли с маленькой Элизой. Там же, где она впервые уронила мороженое и расплакалась так, будто случилась катастрофа. Это и впрямь была маленькая трагедия.

Ян тихо сказал:

– Мы всё сделали правильно?

София не ответила сразу.

Она смотрела на людей, идущих мимо, на мальчишку с самокатом, на мужчину с букетом цветов, на девушку, улыбающуюся, глядя в телефон.

– Зависит от системы координат. Мы спустя время, ответим на этот вопрос.

Он кивнул.

Они сидели ещё долго, пока воздух не стал совсем холодным.

—

Ночь

Дом встретил их той же безмятежной тишиной.

Они почти синхронно сняли пальто, прошли в комнаты, каждый должен был закончить что-то своё.

София приняла душ первой. Долго стояла под горячей водой, пока кожа не покраснела, а мысли не замедлились.

Когда она вышла, Ян уже ждал в коридоре.

– Машина будет через полчаса, – сказал он.

Она кивнула.

Они оделись повседневно – как в долгую дорогу.

Перед выходом Ян ещё раз оглянулся.

Комната выглядела так, будто жизнь в ней продолжится: книги, плед на диване, чашки, рисунки Элизы на стене.

– Пусть так и будет, – тихо сказал он.

Он выключил свет.

—

Дорога

В машине они ехали молча.

За окнами тянулся ночной город – редкие прохожие, мигающие светофоры, яркие витрины и светящиеся теплом окна, в которых текла чужая жизнь.

София смотрела на отражение их лиц в стекле.

Они казались старше, чем утром.

– Страшно? – спросил Ян.

– Да, нет – сказала она. – А тебе?

– Нет, Да.

Он взял её руку.

– Хорошо.

Она чуть улыбнулась.

– Хорошо.

—

Когда машина свернула с шоссе и подъехала к воротам, стало неожиданно тихо.

Огромные тёмные деревья, высокий забор, редкие фонари – место выглядело отрезанным от города и от привычного хода времени.

Ворота медленно разошлись. Машина въехала на территорию. Город остался снаружи. И только когда двигатель заглох, Ян понял: обратной дороги больше нет.

СЦЕНА 5: ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Москва, особняк Виктора.

Ян, София, Виктор.

Ночь.

Они приехали в особняк в одиннадцать вечера.

Город остался за воротами – шумный, живой, человеческий. Здесь, за кованой оградой, было тихо. Только ветер шуршал голыми ветвями старых лип.

Виктор ждал их у входа один.

– София Валерьевна, Ян Игоревич. Рад встрече. – Приветствовал Виктор как в их первую встречу.

– Взаимно, – ответила София. Ян кивком приветствовал Виктора.

Виктор кивнул и молча повёл их внутрь.

Обособняк казался нежилым – ни звуков, ни движения. Только в подвале, куда они спустились, теплилась жизнь: горел камин, на столе стояла бутылка старого вина, в углу на кушетке дремал молодой мужчина с книгой в руках.

– Артур, – представил Виктор. – Вы его знаете. Он будет рядом, если понадобится помощь.

Артур поднял голову, кивнул – спокойно, почти дружелюбно. В его взгляде было учтивое равнодушие, смешанное с алертностью, ни страха, ни рабской услужливости.

Виктор повёл их в соседнюю комнату.

Помещение было почти пустым: каменные стены и пол, высокий сводчатый потолок, в центре – два старых кресла бержер, обитых тёмной кожей. Древность и тишина.

– Присаживайтесь.

Они сели. Ян взял Софию за руку.

Виктор встал напротив. Смотрел долго – словно прощаясь.

– Вы знаете, что будет, – начал он. – Я не стану украшать это словами. Сначала смерть. Потом – возрождение. Между ними – миг, который длится вечность. Вы почувствуете, как уходит жизнь из тела, как останавливается сердце. Как тело становится чужим. Это страшно. Это больно. Но это единственный путь.

Он перевёл взгляд на Яна.

– Кто первый?

Ян встал, не отпуская руки Софии. Посмотрел на неё – и в этом взгляде было всё, что они не сказали за последние сутки.

– Я, – сказал он.

София кивнула. Её пальцы разжались.

Виктор подошёл к Яну вплотную – почти деловито, точно врач перед процедурой.

– Это необратимо, – сказал он тихо.

– Я понимаю.

– Тогда не сопротивляйся.

Ян ощутил прикосновение к шее, неожиданно мягкое, но холодное, затем обжигающе ледяной укус. А потом – странное, тягучее тепло, растекающееся от шеи по всему телу. Онемение. Он почувствовал, как начинает уходить что-то более глубокое, чем кровь, сама жизнь медленно, капля за каплей оставляла его.

Сначала исчезло тепло.

Потом – ощущение веса собственного тела.

Потом – растворилось само время.

Мысли перестали следовать одна за другой.

Секунда распалась на отдельные не связанные между собой отрезки, каждый из них существовал одновременно и длился бесконечно долго.

Он ещё видел Софию, стоящую напротив, но уже не мог понять, прошло мгновение или час.

Осознание заполнило его душу: смерть – не тьма. Это потеря направления и последовательности, «потом» не наступает, его не существует.

Последнее, что он осознал – её лицо.

И желание, чтобы она не боялась.

Тишина.

София видела, как Ян обмякает. Как его взгляд теряет фокус, веки опускаются. Как тело становится ему чужим. Как Виктор поддерживает его, не давая упасть. Минута – и Ян повис безжизненной куклой. Сердце перестало биться.

Она почувствовала: смерть настолько близко, всегда рядом, готовая легко перевести за невидимую черту.

Виктор поднял голову. На его губах блеснула кровь. Он посмотрел на Софию взглядом без торжества, спокойного сосредоточенного хирурга.

Молниеносный надрез запястья – быстрым движением когтя, появившегося словно из ниоткуда. Тёмная, густая кровь коснулась губ Яна. Раз. Другой. Ничего – тело было мертво.

А потом София увидела: кадык дёрнулся. Слабое, судорожное глотательное движение – как первый вдох младенца, только наоборот.

Виктор шагнул к ней.

София сделала шаг навстречу.

– Теперь ты, – сказал Виктор.

Она не ответила. Просто закрыла глаза.

Укус.

Ощущение, будто из неё вынимают центр тяжести. Тело стало лёгким. Потом – пустым. Потом – ненужным. Она пыталась удержать мысль о Яне, но мысли перестали сцепляться. Словно кто-то разрезал нить, на которую был нанизан жемчуг бытия.

И вдруг стало ясно:

Жизнь – не дыхание.

Земная жизнь – поток, движение от одного мгновения к другому.

Когда это движение исчезает, исчезаешь и ты, проваливаясь в бесконечное, всепоглощающее состояние всего и ничего.

Возвращение оказалось не яркой вспышкой, а градиентом проявления мира в ней.

Сначала – вкус.

Металлический, густой, невозможный.

Потом – слух.

Треск полена в камине.

Шёпот Артура за дверью.

И где-то совсем рядом – другое, но знакомое состояние.

Ян.

Она не слышала его мыслей.

Но чувствовала его так, как врач чувствует пациента через пульс:

его растерянность, его нарастающий голод, его попытку удержать себя.

Она открыла глаза.

Мир стал резче, чем должен быть.

Контуры предметов будто прорезали пространство.

Воздух пах слишком подробно.
Ян сидел напротив, бледный, неподвижный, но уже живо вписанный в эту новую реальность.

Он смотрел на неё так, словно проверял: она ли это.

– Ты здесь, – сказал он тихо.

Она кивнула.

– Мы здесь.

И только тогда поняла: сердце не бьётся.

Но что-то другое продолжает движение.

—

Виктор стоял в стороне, наблюдая.

– Голод, – сказал он спокойно. – Сейчас придёт... Неистовый. Не путайте его с жаждой. Жажду можно терпеть. Это – невозможно.

София сначала не поняла, о чём он. Потом её тело само ответило.

В груди возникла пустота. Будто внутри образовалась чёрная дыра, втягивающая всё остальное.

Запахи усилились. Звуки стали резче.

И среди них – один, который вытеснял все остальные.

Запах живой крови.

Виктор щёлкнул пальцами. Артур открыл дверь, и вошли двое – мужчина лет сорока – спокойный, с усталым лицом человека, который привык принимать решения, не драматизируя и женщина – собранная, чуть напряжённая, но без признаков паники.

Они не выглядели жертвами.

Скорее людьми, пришедшими на странную процедуру.

– Они знают правила, – сказал Виктор, мимолётно бросая взгляд, с тенью тревоги, на железную дверь в конце коридора. – И вы должны знать свои.

Он посмотрел на Яна и Софию по очереди.

– Вы берёте ровно столько, чтобы заглушить голод. Не больше. Если потеряете контроль – я остановлю. Но тогда это будет уже не ваш выбор.

Виктор стоял чуть в стороне, но Ян чувствовал его – как тяжёлую руку на плече, даже когда тот не касался.

Ян кивнул, хотя не был уверен, что способен сейчас выбирать.

Женщина сделала шаг к нему сама.

– Всё нормально, – сказала она тихо. – Дышите. Это быстрее, чем кажется.

Её голос был ровным. Человеческим.

И от этого становилось только страшнее.

Ян наклонился.

Первое прикосновение к коже оказалось тёплым.

Пульс под ней бился сильно, уверенно – будто нарочито подчёркивая разницу между ними.

Он не собирался кусать резко.

Но когда зубы коснулись кожи, тело решило за него.

Кровь ударила в рот – горячая, плотная, слишком живая и настоящая.

И в тот же миг пустота внутри начала заполняться.

Это не было наслаждением.

Это было восстановление.

Точно его снова включили в цепь питания.

Он пил быстрее, чем хотел.

Чувствовал, как вместе с кровью приходит чужая усталость, чужая жизнь, чужая память о чём-то простом – дороге домой, запахе подъезда, вихре чужих повседневных мыслей.

София наблюдает, считает секунды, следит за дыханием женщины, за её пульсом, готовая вмешаться, но удерживающая себя от мыслей о голоде. Если начать сейчас, она не найдёт в себе сил остановиться.

– Ян, – сказал Виктор.

Голос прозвучал тихо, но в нём ощущалось напряжение.

Ян не сразу понял, что обращаются к нему.

– Ян.

Виктор уже стоял рядом.

– Хватит.

Ян оторвался резко, почти болезненно, как будто его оттянули от источника кислорода.

Женщина пошатнулась, но устояла. Виктор поддержал её за плечо, автоматически, профессионально проверяя пульс.

– Хорошо, – сказал он серьёзно. – Ты остановился сам.

Он помог женщине сесть, подал ей бокал с водой. Его движения были отточены и быстры.

– Глубокое дыхание. Всё в порядке. Давление чуть упало.

Убедившись, что она в норме, он повернулся к Софии.

– Теперь ты.

Мужчина шагнул к ней.

Он стоял рядом, спокойно, чуть повернув голову, с любопытством и предвкушением наблюдая за ней.

– Всё нормально, доктор, – сказал он.

София не ответила. Наклонилась.

Первый глоток был резче, чем у Яна. Она слишком долго ждала, не пыталась действовать аккуратно – её тело несло, уже знало, что нужно делать.

Кровь оказалась другой.

Густой, чуть горьковатой, с привкусом лекарств и кофе.

Она чувствовала в ней следы бессонных ночей, напряжения, ответственности – будто вместе с кровью ей передавали кусочки прожитых дней.

И вдруг её настигло похожее понимание, как легко перейти грань.

Как просто продолжать.

Как естественно не останавливаться.

Ян смотрит на Софию – он сфокусирован на ней как на ориентире, удерживающем его на волнах этого мира. Голод утолён, но всё же приливами накатывает растерянность, облегчение, страх от собственной жадности, далёкий потусторонний гул в ушах.

Рука Виктора легла ей на плечо – не грубо, но твёрдо.

– София.

Она услышала его, звук будто исходил глубин вод, не сразу отреагировала.

– Софи, – повторил он уже ниже, почти шёпотом, – ты здесь не для этого.

Эти слова вернули её быстрее, чем приказ.

Она оторвалась сама.

Резко вдохнула воздух, хотя в нём не нуждалась.

Мужчина кивнул спокойно, чуть поблдевав.

– Нормально, – сказал он. – Бывало хуже.

Виктор передал ему воды, проследил, чтобы он сделал несколько глотков, потом кивнул Артуру у двери.

Тот без спешки, мягко вывел доноров, разговаривая с ними о чём-то будничном.

Дверь закрылась.

В комнате стало тихо.

Ян и София сидели в креслах, всё ещё сжимая руки. Голод утих, сменившись странным синтезом эйфории и кристальной ясности.

Виктор не сразу заговорил.

Он смотрел на них внимательно, с облегчением.

– Вы оба остановились сами, – сказал он наконец. – Изумительно.

Он прошёлся по комнате, словно сбрасывая напряжение, которого не показывал раньше.

– Когда меня обратили, мне пришлось учиться этому на чужих смертях. Не повторяйте чужих ошибок, если можно обойтись без них.

Он остановился напротив них.

– Сегодня вы сделали главное: не потеряли себя в голоде. Остальное приложится.

Он впервые за всё время позволил себе лёгкую, почти тёплую улыбку.

– Поздравляю. Вы официально пережили самую опасную ночь.

Яну на глаза попалась железная дверь в конце коридора. Теперь он понял, чем она привлекала внимание Виктора.

– Что теперь? – спросил Ян.

Виктор улыбнулся.

– Теперь – жить. По-новому. – Он посмотрел на часы. – Ночь только началась. Как вы относитесь к ночным развлечениям?

Они переглянулись.

– Каким?

– Есть место, где можно безопасно охотиться. Контролируемая среда, добровольцы, приватность. Там вы сможете освоить то, чему нельзя научиться в подвале. – Он сделал паузу. – Переоденьтесь. Нам пора развлекаться.

Через полчаса они сидели в машине Виктора – чёрном "Мерседесе" с тонированными стёклами. За окнами проплывала ночная Москва: огни, реклама, спешащие по важным делам люди.

Ян смотрел на них и чувствовал странное – смесь превосходства и опасения от предчувствия тоски. Они были живыми. Он – нет. Меняет ли это что-то фундаментально? Но сейчас он чувствовал себя более живым, чем когда-либо.

Ян вдохнул, несмотря на то, что дышать ему больше не нужно. Тело двигалось иначе. Словно внутри появилась новая энергия.

– Это Вите, – сказал как-то Виктор. – Кровь больше не просто кровь. Это сосредоточие силы. Жизненная энергия. Она питает тело, ускоряет реакции, восстанавливает ткани. И даёт некоторые... преимущества перед людьми.

София молчала, но он знал – она чувствует то же самое.

Ночь стала их новой средой. И впервые за всю жизнь у них было слишком много времени, чтобы понять, кем они теперь являются.

Глава 3: Трещины в стекле

СЦЕНА 1: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТУПИК

Москва, закрытое мероприятие.
Ян, София, Виктор, Екатерина, Григорий.
Вечер, неделя после обращения.

Зал был слишком тихим для собрания стольких существ.

Свет мягко ложился на столы, отражался в стекле, в полированных поверхностях, в спокойных лицах. Здесь не было показной роскоши, только функциональная элегантность людей, привыкших мыслить в масштабе десятилетий и веков. Атмосфера налита тишиной внимания и контроля, установления договорённостей.

Люди приходили добровольно. Некоторых мотивировали деньги. Чей-то путь проходил через контракты с медицинскими фондами, где Виктор перекрывал им лечение, кредиты, судебные дела. Кто-то приходил ради редкого опыта: в узких кругах «поцелуй» считался безопасным способом прикоснуться к границе смерти и вернуться. И ещё были те, кто питал напрасную надежду понравиться, втереться, быть принятым.

София смотрела на списки.

– Они знают?

– Достаточно, – ответил Виктор. – Они знают, что участвуют в экспериментальной терапии. Что процедура безопасна. Что мы не убиваем. Этого хватает.

– И верят?

– Люди верят во всё, что организовано лучше, чем их собственная жизнь.

Ян сидел напротив мужчины лет сорока.

Тот говорил спокойно:

– Я в программе уже второй год. Давление стабилизировалось, сон лучше. Не знаю, что вы там делаете, но мне подходит.

Ян кивнул.

Ему было легче, чем он ожидал.

Кормление на удивление прошло быстро без мистического опыта, без экстаза. Как хирургическая процедура, в которой участвуют двое, но контроль остаётся у третьего.

Виктор находился рядом всё время. Ни на секунду не оставляя их.

Когда София закончила, он лишь тихо сказал:

– Достаточно.

И она остановилась мгновенно, удивившись, как легко это оказалось.

Когда они вышли, Ян тихо произнёс:

– Я думал, будет хуже.

– Хуже было бы в подвалах, – ответил Виктор. – Цивилизация – это способность организовать неизбежное. И да, разумеется, состояния сильного голода лучше не допускать, ради всеобщего блага.

—

София держалась в тени. Ян – на шаг впереди, выступая буфером между ней и миром.

Музыка ненавязчивым фоном сопровождала течение витиеватого потока событий. Разговоры не переходили в гул. Это был не приём. Это был мобильный узел сети.

Виктор просто шёл рядом, своим присутствием обозначая: «эти двое – под моей ответственностью».

– Пейте воду, – тихо сказал он. – Здесь не принято принимать напитки из чужих рук.

Ян взял два бокала с подноса проходящего мимо гуля. Передал один Софии.

– Ты как?

– Изучаю ландшафт, – ответила она. – Любопытно.

Она говорила о людях в зале, но Ян понял: она изучает новую себя. Слушает, как не бьется сердце, как мир входит через уши и глаза синергетическим потоком данных, который раньше был бы перегрузкой.

Они были здесь всего неделю. Элиза – под присмотром Артура, Андрея и Риммы Октавиены в безопасном месте. Её состояние стабилизировалось быстрее, чем они смели надеяться: клетки Виктора, изученные Софией в последние месяцы, дали ключ к временной ремиссии. Группа крови Яна совпадала с Элизиной, и модифицированная пара капель его крови в неделю – создавала удивительный эффект: организм девочки перестал атаковать сам себя. Она могла жить. Расти. Дышать. Это знание грело Яна изнутри. Всё остальное сейчас было холодом.

Иногда он ловил себя на странной мысли: Вите – это больше, чем биология. Словно в крови вампиров сохранилось что-то гораздо более древнее, чем сама человеческая цивилизация.

– Смотри, – кивнула София. – Виктор кого-то высматривает.

Они проследили за его взглядом. В дальнем конце зала, у высокого окна, стоял мужчина – плотный, седой, с осанкой человека, привыкшего отдавать приказы, а не принимать их.

– Григорий, – сказал Ян.

Им ещё не выдавался случай поговорить с ним. Они не знали, состоится ли разговор сегодня, но определённо чувствовали, что обстоятельства их заочного знакомства не сохраняют шанса, оставить сей факт без внимания.

София отвернулась от окна – и оказалась лицом к лицу с женщиной лет тридцати трёх – тридцати пяти.

Та стояла слишком близко для случайного знакомства, но слишком спокойно для вторжения. В руках – два бокала с минеральной водой.

– Доктор Светлова?

Её голос звучал мягко, уверенно, без тени подобострастия.

– Позвольте выразить восхищение. Ваша работа по таргетной доставке векторов²³... это почти поэзия.

София приняла бокал не сразу. Секунду изучала лицо собеседницы: тонкие черты, внимательные глаза, лёгкая улыбка, которая не становилась теплее от попытки казаться дружелюбной.

– Вы хорошо осведомлены.

– Я стараюсь следить за теми, кто меняет архитектуру реальности.

София дежурно улыбнулась, изучая незнакомку.

– Вынуждена признаться, не увидела вашего имени в программе.

– Екатерина, – представилась она. Я предпочитаю тихие комнаты громким залам. Но иногда стоит выйти, чтобы распознать... родственные умы.

Она сказала это мягко, так, что от ее безупречно непринуждённой игры стало неуютно.

– Мир делится на тех, кто создаёт правила игры, и тех, кто в них играет. Вы явно не игрок, София. Могу я называть вас София?

²³ Таргетная доставка векторов — это метод доставки генетического материала (генов) в определённые клетки или ткани с помощью специальных векторов (часто модифицированные вирусы или плазмиды). Цель — обеспечить пролонгированное, локализованное и целенаправленное взаимодействие вектора с поражённой тканью, минимизируя взаимодействие со здоровыми тканями.

София оставила фамильярность без внимания.

– Вы говорите как человек, который считает правила игрой.

– Потому что так и есть.

Девушка сделала глоток воды и посмотрела на зал так, словно рассматривала лабораторную установку.

– Возьмите вашу дочь. Правила предписывали: она должна умереть. Вы прописали новые. Вы изменили сам холст.

Она повернулась к Софии.

– Это и есть власть. Но вы до сих пор красите в рамках навязанной морали. Это ужасно ограничивает.

София почувствовала, как внутри поднимается холод. Тревожное, искажённое узнавание.

– Вы переходите границы.

– Нет. Я их изучаю.

Екатерина говорила без нажима, буднично, спокойно, будто обсуждала рядовой эксперимент.

– Если позволите, ваша ошибка не в том, что вы вмешались в систему. Ваша ошибка в том, что вы всё ещё пытаетесь остаться хорошей.

Пауза.

– Вы спасаете пациентов. Я думаю о популяциях. Вы лечите боль. Я лечу распределение боли. Вы ищете справедливость. Я ищу устойчивость.

Она извиняюще улыбнулась.

– И знаете, что самое интересное? Мы обе считаем себя правыми.

София впервые посмотрела на неё внимательно. Оценивающе. Как смотрят на опасный инструмент.

– Кто вы?

Девушка чуть склонила голову.

– Человек, который хочет понять, какая из нас двоих наилучшим образом впишется в новую действительность и окажется полезнее будущему.

В голосе не было патетичности вызова, это было озвучивание гипотезы и приглашением её изучить, со временем.

– Было приятно познакомиться, София. К слову, нас ищут. Виктор и Григорий уже собрались.

Она повернулась, но остановилась на полшага.

– Кстати... Ваше упорство – редкое качество. Не теряйте его. Даже если однажды придётся использовать его против тех, кого любите.

Она ушла, оставив после себя ощущение, что тебя только что измерили.

Ян подошёл, когда девушка уже растворилась в толпе.

– Кто это?

– Екатерина, – ответила София. – И она только что сказала мне, что я недостаточно холодна.

– А ты что подумала?

– Я подумала, что она права. И именно поэтому она опасна

Пространство комнаты для проведения переговоров было камерным.

В полумраке, на углях чайного столика тихо шипел чайник. Бумаги лежали невысокими аккуратными стопками, здесь действительно работали. На стенах – темные деревянные рейки, поддерживающие целостность экологичного модернистского делового стиля.

Григорий сидел у стола, перелистывая какие-то записи. Он выглядел уставшим, озадаченным.

– Проходите.

Он говорил так, будто они пришли на семейный разговор, который откладывали слишком долго.

Виктор стоял у окна, глядя в ночь. Екатерина устроилась у стены, не вмешиваясь – наблюдала.

Григорий разлил чай.

– Я должен извиниться за обстоятельства нашего знакомства. Мы могли действовать деликатнее. Но время редко выдаёт кредит на роскошь мягкости.

Он подвинул чашку Софии. Потом – Яну.

– Я не считаю вас врагами. Я считаю вас... людьми, которые торопятся.

Он поднял глаза, в которых читалась усталость человека, слишком долго всматривавшегося в историю и видевшего в ней лишь вариации одного избитого сюжета.

– Человечество – ребёнок с хирургическим скальпелем. Вы хотите дать ему ещё и огнём, назвав это свободой. Наша опека – не эксплуатация. Это смиренная рубашка, спасающая его от самоуничтожения.

Он говорил спокойно.

– История – это не прогресс. Это серия истерик ребёнка, которого вовремя усыпляли. Мы не правим миром. Мы удерживаем его от разрыва.

Тишина обволакивала.

– Я предлагаю вам не капитуляцию. Я предлагаю ответственность.

Он слегка развёл руками.

– Работайте с нами. В тени. Мы поможем вам стабилизировать состояние вашей дочери. Мы предоставим ресурсы, доступ, безопасность. Вы продолжите исследования – но под наблюдением.

Он посмотрел прямо на Софию.

– Вы хотите спасти людей. Я предлагаю вам спасти их эффективно.

Ян сжал пальцы на спинке стула. Он чувствовал, как София внутри себя взвешивает слова Григория, просчитывая каждый вариант.

София немного помолчала.

– А если мы откажемся?

Григорий вздохнул.

– Тогда вы будете идти одни. И, возможно, сделаете мир лучше. А возможно – ускорите катастрофу, последствия которой лягут грузом на всех.

Он говорил это без угроз и давления. Именно поэтому его слова звучали тяжело.

Виктор тихо произнёс, не оборачиваясь от окна:

– Если говорить языком абстракций, мы все пытаемся удержать стекло от трещин. Просто разными способами.

София поднялась.

– Мы не можем согласиться, по крайней мере, не сейчас.

Григорий кивнул. Без удивления.

– Я ожидал этого.

Он тоже встал.

– Считаю необходимым прояснить: я не считаю вас глупцами. И не считаю вас потерянными.

Он протянул руку.

– Пусть между нами будет не война, а... разногласие во взглядах на будущее.

Ян посмотрел на Софию. Она едва заметно кивнула.

Рукопожатие было коротким. Нейтралитет.

София покидала переговорную комнату с чувством странного, навязчивого, почти болезненного сомнения. Как заноза, которую нельзя достать, не разрезав кожу.

Когда дверь закрылась за Екатериной, Яном и Софией, Григорий подошёл к окну. Встал рядом с Виктором.

Старые привычки. Старые позиции.

– Ты всё ещё делаешь детей быстрее, чем учишь их жить, – сказал Григорий.

– А ты всё ещё учишь их бояться жизни, – ответил Виктор.

Повисла тишина, их, давно забытая, семейная.

– Девочка, – кивнул Григорий в сторону зала, где осталась Екатерина. – Она умна.

– И только?.

– Я не уверен, что хочу её обращать.

Виктор усмехнулся:

– Ты никогда не уверен. Поэтому ты жив.

Григорий посмотрел на него чуть мягче.

– А ты всё ещё веришь, что можешь позволить себе ошибки.

– Только потому, что знаю им цену.

Короткий взгляд двух существ, ищущих одно разными путями.

– Береги их, – сказал Григорий.

– Береги себя от собственной правоты.

Они разошлись без жестов. Как расходятся люди, которые знают друг о друге почти всё.

Виктор нашёл их в коридоре.

– Идём, – сказал он. – Несколько человек желают познакомиться. Неформально.

Ян предполагал наличие регламента, церемоний. Однако, всё это имело вид знакомств в кулуарах. Виктор просто шёл с ними по залу, иногда останавливаясь.

– Ян. София. Наши новые коллеги.

И люди вежливо кивали. Без экзамена.

Яра Унге подошла первой.

Балтийская, высокая, сухая, строгая, почти монашеская внешность. Она говорила мало, но после неё оставалось ощущение стального каркаса.

– Мир держится не только на идеях, но и на маршрутах, – сказала она Софии. – Если захотите перемещать лаборатории оперативнее, чем реагируют правительства – поговорим.

София кивнула, отметив внутри, что перед ней чистая, холодная, эффективная логистика.

Эрнест Брандт говорил чуть дольше.

Немец. Инженер систем. Архитектор институтов. Он проектировал долговечные структуры власти и знаний.

– Мы строим не проекты, а условия, при которых проекты переживают своих авторов.

Он пожал Яну руку.

– У вас мышление долгих циклов. Это редкость среди людей.

Ян чувствовал, что его измеряют. Но без личной враждебности, скорее с профессиональным интересом.

Лэй Шандао появился незаметно.

Китаец. Почти растворился в тени колонны, обнаруживая своё присутствие речью. Он работал с философией бессмертия как практикой.

– Большинство из нас пытается продлить жизнь. Немногие пытаются понять, зачем.

Он посмотрел на Софию.

– Когда вы найдёте ответ, ваша наука станет опаснее любой армии.

Он улыбнулся почти тепло. Почти.

После нескольких таких знакомств Ян прошептал:

– Это всё?

– Пока да, – ответил Виктор. – Здесь не любят знакомиться громко, предпочитают наблюдать.

Они вышли на террасу.

Ночь была тихой, сверх меры человеческой для того, что произошло. Луна висела над садом, освещая дорожки, по которым когда-то прогуливались люди в мундирах и кринолинах.

София оперлась на перила. Ян встал рядом.

– Он не безумен, – сказала она.

– Нет.

– И не злодей.

– Нет. Но похищение – это всё же не пример доброго поступка.

– Точно, – София горько усмехнулась. – Благими намерениями он выложил дорогу в ад двум своим людям.

Пауза.

– Он может быть прав, Ян.

Ян долго смотрел на сад. На деревья, которые видели столько же, сколько Виктор, но молчали.

– Да, – ответил Ян. – И это хуже всего.

София закрыла глаза.

– Если человечество действительно ребёнок...

– ...то вопрос не в том, кто прав, – тихо сказал Ян. – Вопрос в том, кто возьмёт на себя ответственность за последствия.

Она посмотрела на него.

– А мы?

Он пожал плечами.

– Мы уже взяли. Когда спасли Элизу.

Тишина.

– Кто первый надел белый халат, тот и врач, – процитировала окончание старого анекдота София.

Он взял её за руку.

– Но если он прав, то мир – это клетка с мягкими стенами. А если мы правы – то мир может разбиться.

Она сжала его пальцы.

– Значит, придётся научиться жить среди трещин.

Он кивнул.

– И надеяться, что стекло выдержит.

Внизу, в зале, продолжался вечер. Люди в дорогих нарядах обсуждали судьбы континентов, пока гули разносили воду и улыбались. Где-то в другом крыле Григорий листал бумаги и ждал партнёров для переговоров.

А Ян и София стояли вдвоём под луной, чувствуя, как внутри них живет одно небьющееся сердце.

СЦЕНА 2: НОВАЯ НОРМА

Москва. Начало марта. Жилой комплекс Виктора на западе города – снаружи обычный элитный дом, стекло, бетон, охрана и камеры. Внутри – один из узлов сети.

Ян проснулся плавно, без рывка и вдоха. Просто открыл глаза.

В комнате было темно – слои плотных жалюзи и штор не пропускали ни единого солнечного луча. На стене тихо светился экран с часами: 18:47. Сон больше не имел смысла. Он не давал отдыха, только иллюзию, человеческую привычку.

София сидела у окна, спиной к нему, в ноутбуке. Он слышал, как она печатает. Слышал, как в кухне этажом ниже Артур ставит чайник. Слышал, как лифт на секунду застрял между этажами. Всё было под контролем.

– Привыкаешь? – спросила София, не оборачиваясь.

– К чему именно? – хмыкнул он. – К бессоннице, слуху, голоду или мысли, что ты официально мёртв?

Она обернулась, улыбнулась уголками губ.

– К тому, что всё это теперь обычный вторник.

Он сел. Голод действительно ощущался фоновой глухой болью, пустотой, зудом – трудно описать. Как лёгкая боль в мышцах, к которой привыкаешь. Но рядом с дыханием Элизы этот голод отступал, становился почти незаметным. Странно, но он знал, что София чувствует то же самое.

– Элиза? – спросил он.

– В школе. Андрей отвёз. Вернётся через час.

Он кивнул. До сих пор не верилось, что всё это работает.

—

На кухне Артур уже разливал по термостаканам кровь – буднично, словно это был кофе.

– Добрый вечер, – сказал он. – Сегодня свежая партия, доноры из клиники на Соколе. Проверенные, медкарты чистые.

Ян сел за стол, взял тёплый стакан. Металлический запах больше не пугал – он был знаком, почти уютен.

– Напомни, кто мы теперь официально?

Артур улыбнулся и открыл планшет.

– Всё готово. Вы – Волковы, Ян Андреевич и София Владимировна. Переехали в Москву из Екатеринбурга. Ян – старший научный сотрудник международного биотех-фонда, София – внешний консультант. Элиза Яновна Волкова – ваша дочь, учится в частной гимназии на западе. Все документы в порядке, налоги платятся, школа предупреждена, что вы часто в командировках – с девочкой будет Римма Октавьевна или Андрей.

– А наши старые личности?

– Закрыты. Официально вы эмигрировали, квартира продана, деньги переведены в фонд. Если кто-то из старых знакомых начнёт искать – найдут следы, ведущие в никуда. Не волнуйтесь, у Эрнеста в миграционной службе свои люди.

София сделала глоток, спокойно:

– Медицинские базы?

– Тоже подчищены. Теперь вы здоровы, никаких хронических болезней. Даже генетическая карта изменена – на всякий случай.

Ян покачал головой.

– То есть вампиры не президенты, а президенты не вампиры?

– Президенты смертны, – ответил Артур. – Мы предпочитаем тех, кто переживает их политический путь. Гораздо удобнее работать с системой, чем с отдельными людьми.

—

После «завтрака» они спустились в лабораторный этаж.

Днём здесь работали люди. Ночью – начиналась настоящая жизнь. София остановилась у стеклянной стены, за которой гудели инкубаторы и мерцали экраны секвенаторов.

– Я всё ещё не верю, что у нас доступ к этому.

– У вас не доступ, – сказал Виктор, появляясь из глубины лаборатории. – У вас ответственность.

Он подошёл ближе, посмотрел на них внимательно – как смотрят на новые приборы, проверяя, не ошиблись ли в выборе.

– Как адаптация?

– Происходит, – сказала София. – Я уже связалась с лабораториями в Берлине и Бостоне. У них есть наработки по синтетической крови. Проблема в том, что дегустаторы не принимают

заменители. Им нужна не просто кровь – им нужна эйфория, насыщение, реакция мозга. Мы должны воспроизвести не химический состав, а эффект.

– Именно, – кивнул Виктор. – И это уже не биохимия, а нейрофизиология. Но у вас есть доступ к архивам – там работы по дофаминовым рецепторам, опиоидным системам. У меня кое-что есть по вопросу, посмотрите.

Ян молчал, рассматривая схему УФ-фильтров на стене.

– А ты? – спросил Виктор.

– Я думаю про кожу, – сказал Ян. – Не про крем. Про барьер. Помнишь *Deinosoccus radiodurans*? Бактерия, выживающая при дозах радиации, которые убивают всё живое. У неё механизм репарации ДНК работает в тысячи раз быстрее человеческого. Если встроить что-то подобное в нас...

Виктор оживился.

– Ты хочешь сказать – усилить регенерацию до такой степени, чтобы мы восстанавливались быстрее, чем горим?

– Да. И не только. У глубоководных грибов есть меланин, который конвертирует радиацию в энергию. Если мы сможем активировать что-то похожее – например, заставить клетки синтезировать этот пигмент, – то солнце станет не врагом, а источником.

Виктор помолчал, обдумывая.

– Радиосинтез. Энергетический обмен... Это меняет всё. Но регенерация требует ресурсов. Откуда брать ткань, если мы не едим?

– Если механизм будет работать как фотосинтез, энергия пойдёт напрямую от солнца. Тогда кровь станет не необходимостью, а добавкой. Может, даже привычкой.

– При наилучшем раскладе, – добавил Ян, – и не в этом десятилетии. Но направление есть.

София посмотрела на него с удивлением.

– Вот куда тебя занесло, реаниматолог.

– Я всю жизнь работал с телом на грани разрушения, – сказал он. – Теперь просто масштаб другой.

—

Шаги Элизы они услышали за минуту до звонка в дверь.

Она влетела в квартиру с рюкзаком, шумная, живая, пахнущая холодным воздухом – и на мгновение Яну показалось, что он вернулся в прошлую жизнь.

– Я пришла!

Она крепко обняла Яна, потом Софию. Ян чувствовал тепло её тела, запах волос, биение сердца – и внутри что-то сжималось от нежности и страха: вдруг голод проснётся, вдруг он не сдержится?

Но голод молчал. Рядом с дочерью он исчезал, будто его и не было.

– У нас сегодня была физика в новом кабинете, – тараторила Элиза. – Я теперь понимаю, что вы оба сумасшедшие, раз вам это нравится.

– Спасибо, – усмехнулась София.

Элиза прошла на кухню, достала йогурт.

– А вы уже ели своё... – она махнула рукой, – адаптированное меню?

– Да.

– Хорошо. Потому что я не хочу видеть это за ужином.

Ян смотрел на неё и ловил себя на странном чувстве: они изменились, а она осталась якорем, маяком из прошлой жизни. Её присутствие делало реальным всё остальное.

– Тебе нормально? – спросил он тихо.

Она пожала плечами.

– Вы живы. Я здорова. Мы вместе. Всё остальное – детали.

Она ушла делать уроки. София тихо сказала:

– Её адаптация, кажется, проходит успешнее нашей.

—

Позже, когда Элиза уснула, они сидели в лаборатории втроём – Ян, София, Виктор. На стене висела карта сети: узлы пульсировали слабым светом, линии между ними обновлялись в реальном времени.

– Вы теперь часть этого, – сказал Виктор. – Не мои подчинённые. Новый узел. Один из многих.

Он указал на другие точки.

– Яра держит логистику и финансирование. Эрнест управляет информацией и маскарадом. Лей Шандао отвечает за безопасность, адаптацию и пределы возможностей тела. Я –

наука. Есть другие, но к ним вернёмся позже. Сейчас они в Сингапуре, Бостоне, Берлине. Тоже работают.

Он посмотрел на них.

– Вы – будущее. Потому что пока ещё умеете думать как люди. Не как бессмертные, у которых впереди вечность, а как те, кто помнит, что такое конечность.

– И чего от нас ждут? – спросил Ян.

– Практически чудес. Решений. Кровь. Солнце. Если мы решим это – наш вид перестанет быть эндемиком Земли и станет цивилизацией не только тени.

София тихо сказала:

– Тогда мы должны сделать это и для людей тоже. Иначе всё это бессмысленно.

Виктор кивнул.

– Именно поэтому я вас и выбрал.

– Нетрудно заметить, что старшие почти никогда не суетятся, – сказала, София. – Почему?

– Потому, что мы уже видели крушения эпох.

Он сделал паузу.

После пары столетий начинаешь относиться к апокалипсисам спокойнее.

—

Ночь текла спокойно.

Элиза спала. В лаборатории гудели приборы. Где-то в мире другие узлы принимали решения, не зная, что здесь только начинается работа.

Ян посмотрел на Софию.

– Знаешь, что странно?

– Что?

– Я больше не думаю о том, что мы умерли.

– А о чём думаешь?

– О том, что теперь у нас есть время что-то исправить.

Она обняла его.

– И построить.

– Тогда начнём.

За окном город жил обычной жизнью, не подозревая, что под его крышей формируется новая норма.

СЦЕНА 3: ТРЕЩИНЫ

Москва, жилой комплекс Виктора.

Ян, София, Виктор, Элиза.

Десять лет спустя. Вечер.

Элиза пришла сама, без звонка. Ян услышал её шаги за три этажа – лёгкие, уверенные, с едва уловимым цоканьем каблуков. Он улыбнулся: когда-то она бегала в кедах, предпочитая субъективной красоте объективное удобство.

Она вошла, скинула пальто на спинку стула – дорогое, тонкой шерсти, с запахом духов, которые Ян не мог идентифицировать, но которые явно стоили больше, чем его месячный «человеческий» бюджет когда-то.

– Один? – спросила она, оглядывая гостиную. – А мама?

– В лаборатории. Скоро поднимется.

Она кивнула и привычно направилась к холодильнику. Ян знал, что там: йогурты, сыр, овощи – Артур всегда заботился о пополнении запасов с учётом её предпочтений.

– Я хотела поговорить, – сказала она, доставая йогурт. – О переезде.

Ян кивнул. Последние полгода она всё реже ночевала здесь, всё чаще оставалась в своей квартире на Вавиловской, которую Виктор оформил через подставной фонд.

– Ты решила?

– Да. – Она села напротив, открыла баночку. – Я буду приходить часто. Но мне нужно своё пространство. Своя жизнь.

Ян посмотрел на неё. Двадцать два года. Взрослый человек. Уже успела защитить диплом, опубликовать несколько статей и получить собственный грант на исследования гематоид²⁴. И при этом – та же улыбка, что и в двенадцать.

– Конечно, – сказал он. – Мы и так держали тебя рядом слишком долго.

– Вы не держали. – Она улыбнулась. – Вы спасали.

Он подошёл, обнял её. Рыжее вьющиеся пышное каре нарочито подчёркивало контраст жизни. Тёплая. Настоящая. Эхо того, кем он был. Вдохнул запах её волос – шампунь, духи, едва уловимый аромат кофе. Всё те же мелочи, из которых соткана человеческая жизнь.

– Ты знаешь, что мы всегда рядом.

²⁴ Гематоиды – крошечные живые структуры, «мини-сердца», которые производят человеческую кровь.

– Знаю.

Они помолчали. Ян вдруг отчётливо понял то, что пряталось где-то на задворках сознания все эти годы: они прожили десять лет, а она – целую жизнь. Отдельную, собственную. И однажды она умрёт.

Мысль пришла буднично, как факт. Или вариант. Он просто принял это – и пошёл дальше.

– Ты голодна? – спросил он.

– Нет. Я перекусила по пути. – Она помялась. – С одним человеком.

Ян поднял бровь.

– Серьёзно?

– Посмотрим. – Она снова улыбнулась. – Я вам потом расскажу. Обоим.

Дверь открылась, и вошла София. С планшетом в руках, как всегда. Окинула взглядом комнату, задержалась на пальто Элизы, на её лице, на выражении Яна.

– Что-то случилось?

– Элиза переезжает, – сказал Ян.

София, усмехнувшись, подошла к дочери, крепко обняла её. Сердце не билось, но всё равно было тепло.

– Справишься? – не спросила она.

– Справлюсь.

София кивнула, как кивают, когда решение уже принято, но оно не нравится.

Элиза отстранилась, посмотрела на мать.

– Кстати, я просмотрела ваши последние данные по девятой итерации. У меня есть пара замечаний.

София чуть приподняла бровь.

– Замечаний?

– Ну, скорее уточнений. – Элиза достала планшет из сумки, быстро нашла файл.

– Вот смотри: в группе 3-В вы получили аномально высокий уровень связывания с альбумином. Вы интерпретировали это как позитивный сигнал, но если посмотреть на корреляцию с возрастом доноров...

Ян наблюдал за ними, и внутри разливалось странное тепло. Дочь и мать, склонившиеся над экраном, спорящие о параметрах связывания, о статистической значимости. Элиза жестикулировала, София хмурилась, потом вдруг улыбнулась – коротко ответила.

– Точно, – сказала София. – Ты права.

– Потому что ты смотрела на общую выборку, а не на возрастные подгруппы. Я знаю этот эффект – мы его на втором курсе разбирали.

– Вот только этот отчет предварительный и не включал возрастную выборку. Старт второго этапа клинических исследований запланирован на четверг следующей недели. Пока в рамках той небольшой выборки, что есть, образец показывает себя стабильно.

– Стабильно плохо, – съехидничала Элиза.

Ян не выдержал и рассмеялся.

София нарочито угрожающе взглянула на Яна.

– Что смешного?

Ян будто титаническим усилием воли подавил смех, принял серьезное выражение лица.

– Вы. Обе. – Он развёл руками. – Спорите так, будто решаете судьбу человечества. А ведь всего-то коэффициент абсорбции.

– Коэффициент абсорбции определяет, будет ли кровь работать у пожилых, – назидательно сказала Элиза, копируя интонацию Софии. – Если он ниже порога, формула бесполезна для трети доноров.

– Да-да-да-да-да, – протараторил Ян. – Просто вы так похожи.

София посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Потом медленно, театрально прищурилась и тихо произнесла:

– Без лишних предисловий: мужчина умер.

Элиза хихикнула.

– Это семейное?

– Да, – сказал Ян. – И, похоже, наследственное.

София фыркнула и вернулась к планшету.

– Ладно, иди уже, переезжай. Мы тут сами разберёмся.

Элиза чмокнула отца в щёку, потом мать.

– Я позвоню завтра.

Дверь закрылась, и в комнате стало тихо.

– Она выросла, – сказал Ян.

– Да. – София смотрела на экран, но мысли были явно не о данных. – И мы её отпустили.

– Это правильно.

– Надо получше разузнать, ЧТО это за Костик.

– Может, Кто?

– Да-да.

Ян помедлил.

– Откуда ты знаешь?

– Что? – С наигранным недоумением просила она.

Ян театрально трижды цокнул языком.

– Осуждаю, – игриво ответил он.

– Что?

Ян ехидно улыбнулся.

– Просто любопытно, хорошие ли сверхурочные платишь своим гулям.

– Если бы ты не упорствовал в создании своих, ответ бы действительно имел значение и не был бы риторическим.

– Держать «наркозависимых» на службе – это нефеодализм - не особенно этично.

– Этика не помогла бы растить и защитить Элю из ночи без помощи Артура днём.

– Это да. Как же всё сложно, – серьезно сказал Ян.

– Вы опять спорите о спасении человечества без меня? – донёсся голос Виктора из кабинета.

Тише.

– Кроме того, Андрею Виктор дал становление. После пяти лет службы.

Ян чуть повернул голову.

– Да.

Пауза.

– А Артуру – почему-то нет.

Тишина повисла на долю секунды дольше нормы. София не сразу ответила.

– Артур не просил.

Ян усмехнулся краем губ.

– А Андрей?

Пауза.

София чуть сжала губы.

– Андрей... был в другой ситуации.

– Удобной, – тихо сказал Ян.

—

На мгновение пространство словно сжалось, комнату залила густая тьма, как если бы воздух стал вязким, тяжёлым, как перед грозой, и тут же развеялась. Они почувствовали это кожей, будто кто-то невидимый стоял слишком близко.

– Я стар, – спокойно произнёс Виктор, – но с памятью у меня всё в порядке.

Он стоял у стены, там, где секунду назад никого не было.

– Однако, я не припоминаю, чтобы когда-либо отказывал вам в ответах.

Пауза.

Он посмотрел на Яна.

– Если вопрос есть, лучше задать его прямо.

Ян выдержал взгляд.

– Есть.

Короткая пауза.

– Как вы определяете, где проходит граница между выбором и принуждением? Когда речь идёт о тех, кто от вас зависит.

Виктор некоторое время подбирал для ответа слова.

– Я никогда не заставлял Артура делать то, чего он не хотел.

– При всём уважении, – раздался голос из проёма, – вы не можете этого знать.

Артур стоял у входа.

Никто не слышал, как он подошёл. Было ощущение, что его позвали.

Он посмотрел сначала на Яна, потом на Софию.

– Вы видите результат. Не процесс.

Пауза.

– Он мог заставить.

Тишина.

– И имел на это все основания. Но не стал.

Виктор едва заметно выдохнул. Это движение мог заметить только тот, кто знал его слишком давно.

– Я не хотел делать из тебя марионетку, – сказал он.

– Я знаю.

– Я хотел спасти.

Артур кивнул.

И после короткой паузы сказал:

– В составе кавалерии мы шли в атаку под Смоленском. Выстрел я не услышал, – Он чуть коснулся груди. – Только ощутил удар и воздух, который вдруг перестал входить. Конь встал на дыбы, сбросив меня, прошёлся по мне.

Он выдохнул, погружаясь в воспоминания.

– Я лежал в снегу и смотрел, как медленно уходит кровь. Думал о матери, о доме, о том, что не успел. А потом пришёл тогда ещё Всеволод, – он чуть улыбнулся. – Не говорил о вечности, сказал, «не умирай». И я не умер.

– Я мог обратить тебя, – продолжил Виктор. – Дать тебе то, что имел сам.

Он говорил спокойно, в голосе проступила память.

– Но ты не понимал, что это такое. И не имел права.

– И боялся, – глухо прозвучал голос Виктора. – что обрекаю на ту же пустоту, в которой барахтался сам. Поэтому оставил тебя между.

София и Ян старались не нарушать исповедальную тишину, которая легла между ними.

– Ты нуждался во мне больше, чем я в тебе, – сказал Артур. Виктор был один. Елена – сир, учитель. Но не друг.

– Ты знал.

– Знал. Ты не умеешь просить о помощи. Всегда считал, что должен справляться сам. А потом удивлялся, почему вокруг пусто.

– Она была права. Я использовал тебя. Днём ты был моими глазами. Ночью – щитом. Я не выжил бы в первые годы без тебя.

Тишина словно гудела грозovým напряжением.

– Я стал твоей тенью, спокойно сказал Артур. – Твоим клинком и твоими глазами.

Пауза.

– Но никогда не был твоей собственностью.

Он чуть склонил голову на бок.

– Он говорил: «Можешь уйти».

Короткая пауза.

– Я остался сначала – потому что не мог. Потом – потому что не хотел.

Теперь он посмотрел на Яна.

– Это и есть ответ на ваш вопрос.

Тишина.

– Граница не там, где есть зависимость. А там, где исчезает возможность уйти.

– Тогда кто он для вас сейчас?

Виктор не сразу ответил. Потом сказал:

– Он мой контур.

Виктор потирал пальцы, будто нащупывал нужное слово.

– Очерчивает границы того, кем я остаюсь.

София тихо выдохнула.

– Возможность уйти, – повторила она. – Формально.

Все посмотрели на неё.

– Но ты зависишь от его крови, – сказала она, глядя на Артура. – Биологически. От его мира – социально. От его решений – стратегически.

Пауза.

– Это не отменяет твоего выбора.

Она покачала головой.

– Но делает его... неравновесным.

Тишина.

Она перевела взгляд на Виктора.

– Ты не заставлял.

Кивок.

– Но создал условия, в которых «уйти» – это не просто решение. Это потеря всего.

Артур не сразу ответил.

Секунда. Две.

Он посмотрел на Виктора – коротко, почти незаметно.

– Мы проверяли это, – сказал он спокойно.

Тишина изменилась.

Ян нахмурился.

– Зависимость?

Пауза.

– Он убрал её.

София медленно выпрямилась.

– Полностью?

– Настолько, насколько это возможно, – ответил Виктор вместо него. – На тот момент.

Тишина стала острой.

– Мы всё обсудили заранее. В трезвом состоянии.

Он перевёл взгляд на Яна.

– Без иллюзий.

– И? – тихо спросил Ян.

Пауза.

– Я ушёл.

Тишина.

– На три года.

София замерла. Ян чуть наклонил голову.

– Тогда вопрос остаётся. Если он мог уйти... Почему ты всё ещё держишь его рядом?

Свет в комнате на долю секунды провалился, как будто его стало меньше. Воздух разрядился, давление резко выросло.

Ян замолчал, потому, что так тело решило за него.

Виктор не двигался. Но в его взгляде на мгновение исчезло человеческое. Пустота, в которой нет ограничений.

И мгновенно всё вернулось обратно, как если бы этого вообще не произошло.

Он медленно вдохнул.

– Я не держу.

София это почувствовала раньше Яна, как сбой в формуле, которая до этого сходилась. На долю секунды Виктор исчез не физически. Как если бы из уравнения убрали ограничение. И система стала... неустойчивой.

Она не успела ощутить страх, но отметила: «Если он когда-нибудь перестанет себя сдерживать – никто из них его не остановит». Она доверяла ему, но не до конца. И никогда не будет.

– Значит, – сказала она, не отрывая взгляда от экрана, – у нас есть подтверждённый случай обратимой зависимости.

Пауза.

– Это... полезно.

София нахмурилась, вглядываясь в планшет.

– Странно, подвисает, – сказала она.

Сигнал тревоги пропищал тихо – почти деликатно, извиняясь за вторжение.

София мгновенно повернулась к терминалу на стене. Ян подошёл ближе. Экран загорелся красным: «Критический инцидент. Экспериментальный донорский центр. Тест синтетической крови. Пациент – человек. Статус: остановка сердца».

– Что это? – спросил Ян.

София уже открывала файл.

– Девятая итерация. Тестовая группа в донорском центре на Соколе. – Она быстро пролистывала данные. – Возраст 58, мужчина, хронических заболеваний нет, протокол соблюден.

– И?

– И коллапс. Смотри: через два часа после введения – резкий скачок аммиака в крови, затем полиорганный недостаток.

Ян вглядывался в цифры.

– Метаболический коллапс. Организм воспринял компоненты как патоген и запустил каскад самоуничтожения.

– Но мы проверяли эту формулу на клеточных культурах...

– Клеточные культуры – не люди.

– Я видел отчёт, – сказал Виктор без предисловий. – Данные не врут. Пациент мёртв.

– Но эта формула... – София замолчала, перепроверяя цифры. – Она прошла все предварительные тесты. Мы отправляли образцы Григорию, его лаборатория подтвердила стабильность.

– Григорий подтвердил? – переспросил Ян.

– Да. У нас общий протокол обмена данными. Он получил наши результаты, мы – его. Всё чисто.

Виктор нахмурился.

– Я свяжусь с ним. Но сначала – что говорит отчёт?

София углубилась в файл. Через минуту её лицо изменилось.

– Это странно. В нашей версии данных побочные эффекты у пожилых отсутствуют. А здесь... смотрите: в колонке возрастных групп – прочерки. Будто их вообще не тестировали на людях старше пятидесяти.

– Но мы тестировали, – сказал Ян. – Я сам видел протоколы. Там были и шестидесятилетние.

– Были, – медленно сказала София. – В оригинале.

Она открыла другой файл, сравнила.

– Это не наши данные. Вернее, это наши данные, но... обработанные. Кто-то убрал все негативные реакции у возрастных групп и оставил только молодых.

– Подчистили выборку, – понял Ян.

– Да.

Виктор подошёл ближе.

– Кто имел доступ к финальному отчёту перед отправкой Григорию?

София замерла. Потом тихо сказала:

– Катя.

Тишина стала плотной.

– Она координирует свою часть проекта с нами, – продолжила София. – Мы обмениваемся данными, она получает наши наработки, мы – её. Формально она подчиняется Григорию, но работает в параллельном контуре.

– И она могла изменить отчёт перед отправкой? – спросил Ян.

– Если она получила доступ к финальному файлу – да. У неё высокий уровень допуска.

Виктор покачал головой.

– Это не просто ошибка. Это фальсификация.

– Зачем ей это? – спросил Ян.

София ответила не сразу.

– Чтобы ускорить, доказать, что её подход работает?

Ян вспомнил их разговор на приёме десять лет назад. «Вы лечите боль. Я лечу распределение боли». Тогда это звучало как философия. Теперь – как приговор.

София быстро пролистала базу.

– В отчётах, которые мы получали от неё за последние полгода, – семь случаев «осложнений», списанных на сопутствующие заболевания. Если перепроверить...

Она не договорила.

Ян почувствовал, как внутри поднимается холод. Не страх. Не гнев. Просто холодное понимание того, как устроен мир.

– Кто ещё знает? – спросил Ян.

– Пока только мы. Но... – Виктор замолчал, глядя на экран.

– Что?

– Данные утекли.

Он развернул логи.

– Кто-то скачал отчёт до того, как я заблокировал доступ. За три минуты до смерти пациента.

– То есть до того, как мы узнали о смерти?

– Да

Ян присвистнул.

Виктор быстро набрал что-то на своём терминале.

– Логин лаборанта из центра. Но время скачивания совпадает с моментом, когда он должен был вызывать скорую. Он не мог сидеть за компьютером.

– Значит, не лаборант, – сказала София

– Значит, кто-то использовал его доступ

– Кому это выгодно?

Ян задумался.

– Екатерине – нет. Если вскрыется её фальсификация, её проект закроют. Григорию – тоже нет. Он против прозрачности, но не против людей.

– Тогда кто?

Тишина.

Виктор тихо сказал:

– Тот, кто хочет расколоть сеть.

– Или тот, кто хочет, чтобы правда вышла наружу, – добавила София. – Чтобы ускорить неизбежное.

– Кто-то из старейшин? – предположил Ян.

– Возможно. Эрнест работает с информацией. Если он решит, что маскарад пора заканчивать...

– Он бы предупредил.

Виктор поднял руку.

– Сейчас не время искать виноватых. Сначала нужно понять масштаб.

София кивнула.

– Я свяжусь с Григорием. Если он не знает о фальсификации Екатерины, он должен узнать. И если он её прикроет... Я соберу все данные по Екатерине за последние два года. Если она фальсифицировала системно, мы должны это знать.

– А утечка? – спросил Ян.

– Утечкой займётся Эрнест. Это его зона.

Она набрала сообщение.

Ян подошёл к окну. За стеклом была ночь. Где-то в городе спали люди, не зная, что их кровь, их жизнь стала разменной монетой в игре, о которой они даже не подозревали.

– Знаешь, что самое страшное? – тихо сказал он.

– Что?

– Что Екатерина искренне верит, что права. Что она спасает будущее, жертвуя настоящим.

Они стояли втроем в тихой комнате, где гудели серверы и мерцали экраны. Где-то в сети ползли данные, которые могли разрушить всё, что они строили десять лет.

Ян думал о Тимуре, о том мальчике из прошлой жизни, которого он убил, чтобы спасти других. Тогда это был его личный выбор. Теперь выбор делали за него, за них, за тысячи.

И цена росла экспоненциально.

СЦЕНА 4: ФАКТЫ

Москва. Ночь. Кабинет Виктора.

Экран загорелся почти сразу.

Они ждали втроём.

София у окна.

Ян – на подлокотнике кресла.

Виктор у стола, ладони лежат на поверхности, будто он проверяет, что она всё ещё существует.

В комнате было тихо, нечего было сказать. В комнате висело понимание.

Экран загорелся.

Виктор мгновенно принял вызов.

Григорий появился без приветствия.

Лицо спокойное.

Глаза – нет.

Он уже видел выражение их лиц.

– Вы видели, – вместо приветствия сказал он.

– Да, – ответил Виктор.

София вывела данные.

– Возрастные фильтры удалены в трёх итерациях подряд.

– Метки времени совпадают с её доступом.

– Подмена отчётов подтверждена.

– Первичные данные сохранены.

Она сделала паузу.

– Это не ошибка.

Григорий кивнул.

– Я понял.

Ян тихо сказал:

– Ты знал раньше?

– Я знал, что она ускоряет. Что пренебрегает протоколами. Что считает безопасность избыточной.

Он усмехнулся без радости.

– Я думал, это издержки гения.

София продолжила спокойно, почти академично:

- За семь месяцев – девять подтверждённых смертей.
- До двадцати вероятных.
- Если бы отчёты пошли дальше – началось бы внешнее расследование.

Она посмотрела прямо в камеру.

– Это уже вопрос не только этики. Маскарад.

Ян подхватил:

- Люди не должны видеть ни ускоренных мутаций, ни странных инфекций, ни аномальной регенерации.
- Если это всплывёт, они начнут искать источник.
- Если найдут – нам конец. Ты ведь сам нас агитировал за чуть более дозированную открытость миру.

Григорий слушал молча.

- Она форсирует, – сказал он.
- Она считает, что времени мало.
- Времени всегда мало, – ответил Ян. – Но паника – плохой метод.

София добавила:

- Она не глупа.
- спешка - внимание людей - расследование - конец маскарада - конец кормовой базы.
- Она понимает, что утечка – это конец проекта.
- Значит, она уверена, что успеет раньше.
- Или считает риск допустимым, – тихо сказал Григорий.

Никто не возразил.

Виктор впервые вмешался:

– Вопрос простой.

Он говорил спокойно, почти буднично.

- Она осознаёт, что ставит под угрозу всех?
- Да, – ответил Григорий.

– Тогда ей нужно это сказать вслух.

Он сделал паузу.

– И остановиться.

Григорий смотрел на них долго.

– Я поговорю с ней.

– Как тот, кто за неё ответственен, – тихо сказал Виктор. – Виктор смотрел на него, и в его взгляде было то редкое, тяжёлое сочувствие, которое бывает только у очень старых существ.

Он сказал медленно:

– Вера требует жертв, идеология – жертвоприношений.

Григорий понял, о чём он.

– Я знаю.

Никто не произнёс имя.

Но в комнате на секунду будто повеяло холодом «Архивного» подвала, где хранятся те, кого нельзя было спасти.

– Я не хочу, чтобы тебе пришлось повторять чужие ошибки, – тихо сказал Виктор.

Это было сказано по-дружески, почти как просьба.

Григорий опустил взгляд.

– Я тоже.

Он поднял глаза снова.

– Я поговорю с ней сегодня.

Виктор кивнул.

– Этого достаточно.

Связь оборвалась.

СЦЕНА 5: ГЕМОРРАГИЧЕСКИЙ РУБЕЖ

Москва. Ночь. Узел Григория.

Лаборатория находилась отдельно от старых центров сети.

Его территория. Его ответственность.

Три месяца проект шёл без сбоев. Отчёты были чистыми. Меры безопасности были усилены, допуски сотрудником пересмотрены. Екатерина больше не спорила на совещаниях. Не ускоряла процессы и не давила.

Она стала идеальной. Образцовой. Абсолютно.

Кризис миновал – думали многие.

Но Григорий наблюдал всё это время, молча проверяя.

Он вошёл без звонка.

Свет горел только над её столом.

Екатерина делала пометки карандашом.

Она подняла взгляд и мягко улыбнулась, почти тепло.

– Ты редко заходишь просто так.

Он закрыл дверь.

Щёлкнул замок.

Она заметила.

Её взгляд скользнул по столу: скальпель, колбы, тяжёлый микроскоп.

Расстояние. Время. Уязвимость. Вероятность.

Она вернула взгляд к нему.

– Всё в порядке?

– Да.

Он подошёл и положил на стол флешку. Потом вторую. Папку с распечатками.

Она смотрела на них секунду.

– Это что?

– Твои три месяца тишины, – сказал он спокойно.

– Логи. Переводы. Контакты. Новообращённые. Черновики договоров.

Она не стала отрицать. Только карандаш медленно выпал из пальцев.

– Быстро, – сказала она, тихо усмехнувшись.

– Я думала, у меня есть ещё время.

– Ты стала осторожной.

Она откинулась на спинку стула.

Секунду смотрела на него.

– И?

– И теперь мы говорим откровенно.

Пауза.

Она кивнула.

– Хорошо.

– Да, я готовлю альтернативную сеть.

– Да, работаю с людьми, продаю урезанные версии наших технологий.

– Да, собираю ресурсы.

Он молчал.

– Потому что совет неповоротлив.

– Потому что структура рыхлая.

– Потому что политики играют в апокалипсис.

– Потому что мир не ждёт, пока мы договоримся.

Она посмотрела на него внимательно, искала ответы.

– Я делаю то, что делал бы ты, если бы позволил себе не бояться.

– Я не боюсь, – тихо сказал он.

– Ты всегда был готов принимать абстрактные смерти, но не конкретные – боишься. Просто называешь это ответственностью.

– Ты обращаешь людей, Катя, на подземном уровне F. Без разрешения Совета. Мы добьёмся стабилизации УФ-защиты – да, со временем. Но не ценой живых людей.

– Живых? – она чуть склонила голову. – Гриш, мы оба знаем, что они уже умирают.

Он сжал губы.

– В списках ваших с Вэем «образцов» – Корсаков. Врач. Коллега Яна. Зачем он?

Катя вздохнула, будто устала объяснять очевидное.

– Потому что он понимает старение. Потому что он понимает смерть. Потому что он не сломается от осознания факта, что мир меняется.

Она посмотрела прямо на него.

– И потому что он согласился бы, если бы мы спросили честно.

Пауза.

– Это страховка. Не «если». Когда система треснет. Когда люди начнут задавать вопросы. Когда солнце станет оружием.

Она провела пальцем по столу.

– Несколько тел – допустимая цена за возможность пережить апокалипсис.

Он молчал.

– Мы не создаём монстров, – тихо добавила она. – Мы создаём тех, кто выдержит будущее.

Тишина.

– И ради управления рисками придётся ломать людей? – спросил он.

– Люди всегда ломаются. Вопрос – кто извлечёт из этого смысл.

– Если придётся сломать сеть?

– Тогда сеть станет прошлым.

Он смотрел на неё долго.

– А я?

Она выдержала взгляд.

– Ты можешь быть со мной. Или остаться символом эпохи, которая заканчивается.

Теперь она знала: отступить было поздно.

Он кивнул.

– Понятно.

Он сделал шаг ближе.

– Скажи честно, Катя.

Она напряглась.

– Ты когда-нибудь выбирала меня не как ресурс?

Она молчала.

– Да.
– Когда?
– Когда поняла, что ты способен строить мир. Тогда я решила быть рядом.
Он покачал головой.
– Это не то, о чём я спросил.
Она вздохнула.
Она вздохнула.
– Я люблю тебя. Просто это не мешает планам.
Он закрыл глаза на секунду.
Когда открыл – его голос не прозвучал в воздухе.

Он ударил прямо изнутри её головы.
– Посмотри на меня.
Мир сжался.
Её мышцы свело холодом. Взгляд помутился.

Воля метнулась вверх, пытаясь высвободиться.

Она попыталась.
Но его присутствие было старше, тяжелее и глубже. Как давление океана.
– Ты любила меня?
– Да.
– Если бы пришлось выбирать между мной и целью?
Она приложила усилие в попытке удержать контроль.
Не смогла.
– Цель.
Он медленно выдохнул.
Последняя нить оборвалась.
– Если бы всё началось заново?
Её губы дрогнули.
– Я бы сделала всё... аккуратнее.
Тишина.
Он вдохнул.
– Катя.
Она смотрела на него. Уже понимая.
– Отпусти кровь.
На секунду её взгляд прояснился.
Страх пришёл холодной пустотой.
– Нет...

Но тело уже повиновалось. Воля ускользала. Кровь перестала двигаться. Тело стало тяжёлым веществом.

Она осела, словно внутри нити жизни, удерживавшие её в этом мире, разом пересекли. Он поймал её прежде, чем она ударилась о пол.

Без движения крови она была просто пустой, невесомой оболочкой.

Он держал её, пока холод не стал окончательным, а тело, почти хрупким. И только потом позволил себе прошептать:

– Я бы выбрал тебя.

Тишина ответила ему.

Он закрыл ей глаза. Осторожно уложил на пол. Привычным жестом поправил волосы. И только тогда понял, что руки у него подрагивают от осознания, что он сделал это. И сделал бы снова.

Когда он вышел в коридор, воздух казался другим. Он сделал несколько шагов и остановился.

Тень у стены дрогнула. Виктор отделился от тени, нашёл его сам. Он всегда умел приходить тогда, когда нужно.

Он всматривался в глаза Григория, словно желал вытащить из его души болезненную занозу.

– Да, – ответил Григорий на немой вопрос.

Виктор выдержал паузу.

– Быстро?

– Да.

Ещё пауза.

– Жалеешь?

Григорий подумал.

– Нет.

Виктор кивнул, вместо утешения, похвалы и осуждения.

Просто сказал:

– Тогда идём.

И пошёл первым. Как будто знал дорогу.

Григорий пошёл за ним. И только сейчас понял: он больше не тот, кем был утром.

СЦЕНА 6: ПРОТОКОЛ ТИШИНЫ

Москва никогда не спит. Обсидиановое небо черным зрачком всматривалось в живую повседневность людей. Весенний снег осел – влажный, зернистый, местами прозрачный как старая бумага. Следы каллиграфичными узорами ложились на тротуары, рассказывая слишком многое тем, кто умел читать.

Григорий шёл без спешки, проводя внутренний аудит – будто проверяя, камертон решений.

Он поймал себя на странной мысли: не «я её убил», а – «я слишком долго считал её тёмной частью системы».

И только теперь понял: она никогда не была системой. Она была альтернативой, которой он позволял существовать рядом. Из исследовательского интереса. Интерес закончился.

И в этом осознании было что-то неприятно точное: он снова проверял границы мира, просто на этот раз инструментом оказался человек.

—
У входа в зал Совета стояли люди – смеялись, обсуждали планы на вечер, выбирали маршруты ночи. Они не знали, что здесь проходит граница миров.

Он прошёл мимо.

Дверь в здание Совета открылась бесшумно.

Зал был освещён ровно настолько, чтобы видеть лица.

– ...если мы вынесем расчёты на орбитальную платформу, нам придётся пересматривать маскарад, – тихо говорил Лей, не поднимая глаз от экрана.

Виктор ответил почти шёпотом:

– Маскарад пересматривается всегда. Вопрос лишь в том, успеем ли мы первыми. Ты правда думаешь, что человечество переживёт эту эпоху?

Лей пожал плечами.

– Некоторые цивилизации переживают.

– А остальные?

Лей посмотрел в окно.

– Остальные становятся археологией.

Виктор едва заметно кивнул.

Разговор оборвался, когда вошёл Григорий.

За столом – Виктор.

Рядом – Лей Шандао.

На стене мерцали два окна связи: Яра и Эрнест подключались из своих узлов.

Совет собирался редко.

Когда собирался – это значило, что события уже стали историей.

Срочность пресекала церемониальность.

Григорий занял место напротив.

Никто не торопил его говорить.

Он начал.

- Екатерина строила автономную линию три месяца.
- Я выявил это после лабораторного инцидента.
- Часть информации тогда не передал.

Он выложил накопители.

Файлы разошлись по экранам.

- Наблюдение подтвердило:
- формирование независимой сети лояльности;
- контакты вне протокола;
- передачу адаптированных технологий людям;
- подготовку альтернативного исследовательского контура.

Пауза.

- Сегодня ночью я ликвидировал её как Сир.
 - Ответственность беру на себя.
- Тишина обрела плотность.
Первым заговорил Эрнест.
- Ты ошибся в оценке или в процедуре?
 - В процедуре.

Я решил, что смогу закрыть вопрос внутри узла.

Яра кивнула:

- Узлы не изолированы. Сеть дышит через прозрачность.

Лей поднял взгляд.

- В старых хрониках говорится: герой посеял драконьи зубы,
а выросло войско, которое уже не подчинялось ему.

– Понимаю, – сказал Григорий.

Лей кивнул.

– Решение следующее. Ты сохраняешь позицию.

Пауза.

– Но принимаешь полный контроль над человеческим направлением.

– Все проекты контакта, интеграции и допуска – через тебя.

– Без делегирования.

Яра добавила мягче:

– Это не цепи – фокус.

Эрнест усмехнулся:

– И гарантия, что обойдёмся без сольных партий.

– Принято, – сказал Григорий.

Связь погасла.

Совет растворился так же тихо, как возник.

—

В коридоре он остановился у окна.

Ночной город двигался потоками. Люди сходились, расходились, растворялись в огнях, словно узоры, которые не обязаны складываться в смысл.

И вдруг он понял: дело не в том, что он потерял человека. Дело в том, что теперь ему придётся работать не с фигурами, а с течениями.

Рядом возникла София.

Она не стала говорить сразу. Просто встала рядом.

– Виктор сообщил, – сказала она наконец.

Подошёл Ян.

Он посмотрел на город, потом на Григория.

– Теперь у тебя больше людей в поле.

– Да.

– Значит, будет интереснее.

Пауза.

– Ты знал, чем закончится? – спросил Ян.

– Нет.

Ян чуть склонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к структуре ответа.

– Я думаю, знал.

Григорий не ответил. Но и не отвернулся.

София посмотрела на него внимательнее, чем раньше.

– Иногда мы оставляем переменные в системе не потому, что не видим риска, а потому что хотим понять предел её устойчивости.

Тишина.

– Если понадобится второй взгляд, – добавила она мягче, – скажи.

Иногда он помогает отличить исследование от самообмана.

Григорий взглянул на них.

– Учту, – сказал Григорий.

Они не задержались. Просто ушли дальше по коридору, обсуждая что-то своё.

—

Григорий остался у окна.

Город жил, не замечая изменений в архитектуре власти над собой.

Он не чувствовал тяжести. Не чувствовал облегчения.

Скорее – как если бы масштаб задач тихо увеличился, а внутренние границы пришлось перестроить под него.

Теперь он понимал: его работа – не удерживать людей и не устранять ошибки.

Его работа – следить за тем, куда начинает двигаться мир.

Он ещё немного постоял, а потом пошёл обратно в зал. Работы стало больше.

Значит, всё развивалось правильно.

Глава 4: Новые правила

СЦЕНА 1 ЭЛИЗИУМ

Период, последовавший за инцидентом с Екатериной два года назад, оказался странно устойчивым. События не исчезли – но словно выстроились в очередь.

И в этой паузе жизнь вдруг позволила себе быть благополучной.

Утро в доме Элизы и Константина начиналось с уютной тишины. Дом дышал: мягко шуршала занавеска, едва слышно поскрипывал старый паркета, уложенный ёлочкой, будто проверяя, всё ли на месте.

Элиза проснулась раньше дочери. Это стало профессиональной привычкой за последние месяцы. Как если бы мозг включался до будильника, проверяя систему.

Живы. Все живы.

Эта мысль приходила первой, ещё до слов.

Из соседней комнаты донёсся короткий, возмущённый писк. Пауза. Более уверенный сигнал, будто маленький человек решил, что тишина – ошибка в системе.

Элиза выдохнула, сбросила одеяло и поднялась.

Декрет не превратил её в тень собственной жизни. Дважды в неделю приходила няня. Четыре часа в день она работала удалённо для Центра, консультируя по когнитивным моделям и архитектурам памяти. Этого хватало, чтобы не потерять себя – остаться в потоке этого мира.

Ева сидела в кроватке, держась за бортик обеими руками, как моряк за борт корабля. Увидев мать, она замерла, внимательно проверяя реальность.

– Я здесь, – тихо сказала Элиза.

Ребёнок мгновенно расслабился, словно получил подтверждение гипотезы.

На кухне Константин уже стоял у плиты. Он не обернулся – только поднял руку, показывая, что слышит их.

– Сырники? – спросил он.

– Ты опять не спал, – сказала Элиза.

– Я тестировал гипотезу, что ночь – социальный конструкт, – ответил он.

– И как результаты?

– Пока мир существует. Значит, эксперимент не разрушил реальность.

Ева довольно ударила ложкой по столу, словно приняла участие в научной дискуссии.

Они ели медленно. Разговор свободно, меняя направление – как река, не желающая идти прямо.

Сначала

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.